

ВСЕИСТОРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Валерий ТУРИНОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Всемирная история в романах

Валерий Туринов

Преодоление

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Туринов В. И.

Преодоление / В. И. Туринов — «ВЕЧЕ», 2023 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8859-7

1611 год. Пришло время преодолеть внутренний раскол в русском обществе, горькое наследие Смутного времени. Кузьма Минин, соратник Дмитрия Пожарского, собирает ополчение «всей земли». Те, кто в свое время примкнул к Лжедмитрию, еще пытаются сопротивляться, мечутся туда-сюда, но их дело пропавшее. И все же не следует думать, что враждебные силы, стремящиеся подчинить Россию, будут легко побеждены. Придется отразить нашествие целого ряда врагов: польсколитовских, шведов, крымских татар. А после войны неминуемо следует разруха, и ее тоже не победить в один день. Эта книга завершает трилогию писателя-историка Валерия Туринова о Смутном времени. Две первые книги – «Вторжение в Московию» и «Смутные годы» – ранее опубликованы в этой же серии.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8859-7

© Туринов В. И., 2023

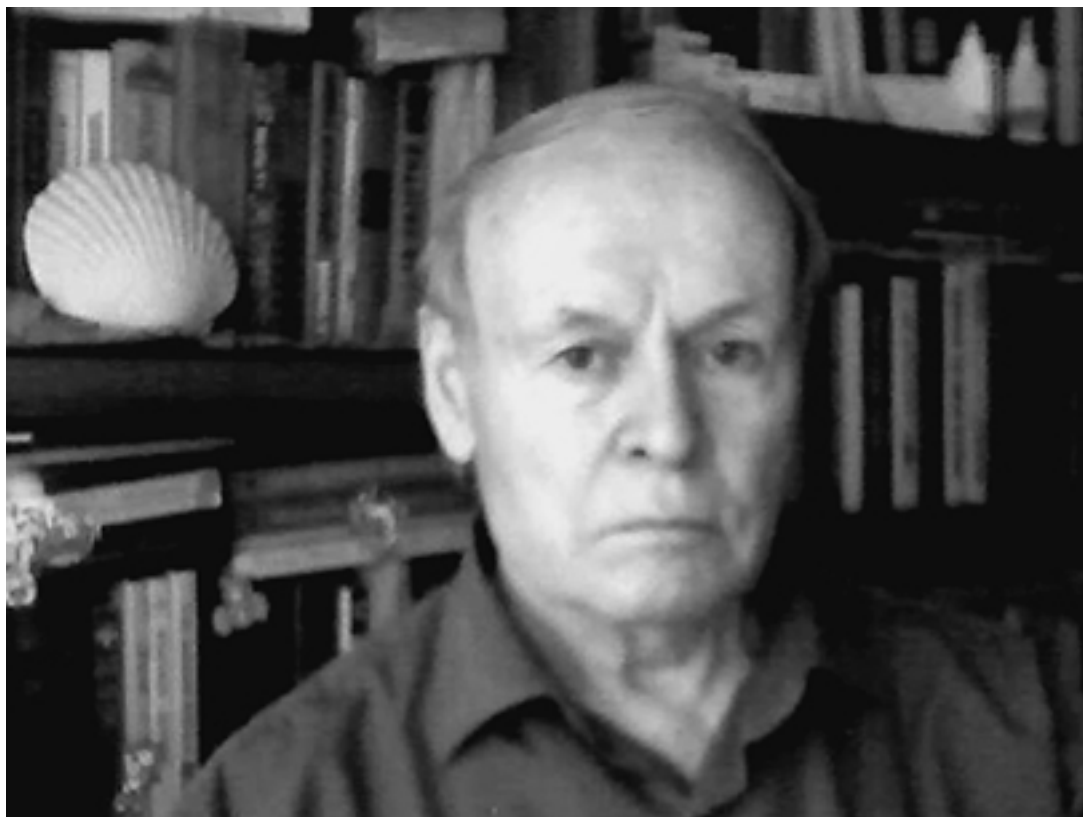
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Об авторе	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	45
Глава 4	52
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Валерий Игнатьевич Туринов

Преодоление

Валерий Игнатьевич Туринов

© Туринов В.И., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Об авторе

Валерий Игнатьевич Туринов родился и вырос в Сибири, в Кемеровской области. После службы в армии поступил в МИСиС, окончил его в 1969 году по специальности «полупроводниковые приборы» и был распределен на работу в город Ригу. Проработав там три года, поступил в аспирантуру МИСиС, на кафедру физики полупроводников. После окончания аспирантуры и защиты диссертации в 1977 году получил учёную степень к.т.н. и был распределён на работу научным сотрудником в НПП «Исток» в городе Фрязино Московской области. Казалось бы, никакого отношения к истории и к литературе всё это не имеет, но каждый автор приходит в литературу своим путём, зачастую очень извилистым.

Начиная со студенчества, работая в геологических экспедициях летом на каникулах, Валерий Игнатьевич объездил Сибирь и Дальний Восток. В экспедициях вёл дневники, постепенно оттачивая стиль художественных приёмов, а сами поездки пробудили интерес к изучению истории не только Сибири, но истории государства Российского, а затем – и к прошлому Европы.

Особенный интерес вызывали XVI–XVII вв. – эпоха становления национальных европейских государств и связанные с этим войны. Вот почему осенью, зимой и весной Валерий Игнатьевич, как правило, пропадал в РГБ (Российской государственной библиотеке), собирал по крупицам в источниках судьбы людей, оставивших заметный след в той эпохе, но по какой-то причине малоизвестных сейчас, а то и вообще забытых.

К числу таких исторических личностей относится и француз Понтус де ла Гарди, родом из провинции Лангедок на юге Франции. Он дослужился до звания фельдмаршала в Швеции, прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. Этот человек заслуживал того, чтобы создать роман о нём!

Сбором материалов в РГБ дело не ограничилось. Изучая жизнь Понтуса де ла Гарди, Валерий Игнатьевич делал выписки из документов РИБ (Русской исторической библиотеки), из АИ («Актов исторических»), ДАИ («Дополнений к Актам историческим»), Дворцовых разрядов, материалов РИО (Русского исторического общества), а также из многих литературно-исторических сборников, как, например, «Исторический вестник» за 25 лет.

Пришлось проделать большую работу, чтобы иметь более широкое представление об эпохе, а также о других известных исторических личностях, повлиявших на судьбу Понтуса де ла Гарди, или, говоря словами одного из героев, «сделавших» его человеком.

Эта деятельность, помимо основной работы по профилю образования, отнимала много времени и сил. Поэтому докторскую диссертацию в родном МИСиС Валерий Игнатьевич защитил поздно, в 2004 году, с присуждением учёной степени д.ф.-м.н., имея к тому времени уже свыше сотни научных публикаций и десяток патентов по специальности.

Избранная библиография автора (романы):

«На краю государевой земли»,
«Фельдмаршал»,
«Василевс»,
«Вторжение в Московию»,
«Смутные годы»,
«Преодоление».

К 400-летию Смуты

Глава 1 Всей землёй

Осень 1611 года. На Сёмин день, первого сентября, а он пришёлся в тот год на четверг, в Торговых рядах Нижнего Новгорода оживлённо шумел и суетился народ. Только что в город пригнали партию скота из улусов арзамасских татар. И на скотобойне стоял гул, крики, и рёв быков студил сердца. Там мясники трудились. Оттуда мясо расходилось по лавкам и базарам.

Нижний Новгород жил торговлей и ремеслом. И то и другое сильно пострадало в последние годы, годы Смуты. И город ещё не оправился полностью. Нехватка денег ощущалась у горожан, их слишком мало в кошельках водилось. Поэтому и торговались, и понемногу закупали, но всё же закупали. Зима, по всем приметам, предстояла холодная и долгая. И жители боялись остаться на зиму без запасов.

Здесь, в Торговых рядах Нижнего, встречались два потока товаров. Одни приходили с низа Волги, с Самары, Астрахани, и даже из-за Каспия, откуда-то из Персии, из Турции. А то из каких-то совсем неведомых земель. Другой поток товаров шёл с севера, с верховьев Волги и Оки. Оттуда везли мёд, пушнину, пеньку, кожу и всякие вещицы металлические.

В Большом ряду всегда на выбор лежали крюки избяные, дверные и гвозди плотницкие, скобы судовые и конопатные. Стояли тут же шеренгами котлы чудинного железа, лежали чеканы¹, топоры и пилы, серпы и косы. Поодаль виднелись наковальни. Валялись кучками оковы, ковши и свёрла, а вон там напарья²... И многое ещё иное. Всего не перечесать.

В Коробейном ряду пузырились короба, набитые поделками, всё мелочёвкой. Там предлагали медные булавки, пряжки, монисто, серьги, брошки, гребеньки и кольца, кому настало время под венец идти.

Товар москательный, в Москательном ряду, здесь тоже не переводился никогда. Его с лихвой на всех хватало: лежали косяки мыла, восковые свечи и тут же сальные... А вон там клей, белила, махан и сурик, купорос, квасцы. И киноварь имелась тоже... Мёд, хмель, воск и масло... Товары, так необходимые для всех.

А ткани, ткани-то! Кумач, зендень³ и бязь лощеная, пестрядь⁴ цветная... Всего, всего достаточно здесь в лавках выставлялось.

В Холщовом ряду товаров тьма. Готовая одежда тоже есть. Вон там, вон в том ряду, висели кушаки и ферязи⁵, кафтаны, паласы расстелили, среди них бухарские.

Сюда, представьте, завозили и меха: красные калмыцкие лисицы, куницы и мерлушки. А здесь вот корсаки⁶, сафьян, овчина и замша сухарская красная...

Сапожный ряд здесь тоже есть. Есть Ветошный, Подошвенный, Горшечный, Рыбный. Был даже ряд для женщин специально. Он Женским назывался. И Соляной, и Житный, вон там Колпачный, Корельский тоже был.

В Мясном ряду лежала тушами говядина, и тут же поросята, а вон свинина. И сало тоже есть, слегка солёное, а то и круто, если пожелает вдруг захожий покупатель...

---

¹ Чекан – старинное оружие – насаженный на рукоять топорик с молоточком на обухе.

² Напарья – род бурава.

³ Зендень – восточная бумажная ткань различных цветов.

⁴ Пестрядь – ткань из крашеной основы и белых поперечных нитей, перпендикулярных нитям основы и переплетающихся с ними.

⁵ Ферязи (ферязь) – верхнее мужское платье без воротника и без талии, с длинными рукавами.

⁶ Корсак – порода лисицы.

Невысокого роста мужик, с узловатыми руками, вышел из своей лавки, как раз вот здесь, в Мясном ряду. Хлопнув дверью, он закрыл её поплотнее, накиннул на пробойную петлю большой висячий замок, вставил в него ключ и, с треском провернув его, закрыл свою лавку.

– Кузьма, ты почто так рано-то? – спросил его Потапка, хозяин мучной лавки, что стояла тут же, как идти в Мясной ряд: мужик с рассечённым веком, из-под которого выглядывал его голубой глаз, как дятел из дупла. – Аль богато зажил, что с полудня уходишь! Торги-то у тебя много прибыльней моего! Сейчас ведь хлеб да с мясом каша – вся еда наша! Хм! – усмехнулся он.

– Дело у меня, Потапка, в земской избе, – ответил тот, которого его сосед назвал Кузьмой. – Аль не слышал, что сегодня будет там?

– Да слышал, – равнодушно откликнулся Потапка. – Что выберут, что не выберут нового старосту, всё равно ничего не изменится.

– Ну, ну! – отозвался Кузьма.

В его серых глазах сверкнули задорные огоньки уверенного в себе человека.

– Давай-ка пойдём туда! – предложил он соседу. – Поломаемся в спорах, с мужиками-то! Кто кого!.. Нынче вон городские-то совсем согнули наших, посадских! С торгов сшибают по всей Волге! Непорядок ведь то! До бою, до драки может дойти! И пара рук, как у тебя, лишней не будет там!.. Пойдём, пойдём! – подойдя к соседской лавочке, потянул он за рукав Потапку.

Руки у него были сильные, несмотря на то что одна из них была сухой, не сгибалась, торчала вперёд, как рычаг.

Потапка запротестовал, чтобы дал хотя бы закрыть лавку.

Кузьма подождал, пока он закроет свою лавку, и зашагал с ним в сторону Нижнего посада. Они направились к Никольской церкви, вблизи которой стояла земская изба. Шагал Кузьма широко, размахивая одной рукой, другую, усохшую, крепко прижимал к боку. А рядом с ним семенил мелкой походкой его приятель, жилистый, ещё молодой, но уже с большой лысиной.

– А где Нефёдка-то? – спросил Потапка Кузьму.

Нефёдка, сын Кузьмы, был уже взрослым, помогал в делах отцу.

– Где?! Уехал за товаром.

– А-а! – многозначительно протянул Потапка.

От Торговых рядов, Нижнего посада, они поднялись в гору, у Никольской церкви свернули налево и через десяток шагов оказались у земской избы. Здесь, подле избы, уже было полно мужиков. Они стояли, судачили о делах торговых и хозяйственных. Это были крепкие, с тугой мощной мужики.

Увидев Кузьму, они окружили его.

– Сухорукий, ты не робей! – стали они наставлять его. – Мы поддержим тебя!.. Наша забота – помочь тебе! А уж ты-то с головой!..

– Ладно, мужики, за дело! – остановил их Кузьма. – Давай пошли! – сказал он и решительно направился к крыльцу Земской избы.

И так, кучкой, вместе с ним, они вошли в земскую.

* * *

Домой Кузьма вернулся в тот день не один, со своими товарищами по Торговым рядам, которые помогли ему, провели его в земские старосты. Они были возбуждены и довольны, что теперь в земской избе был их человек, посадский, такой же, как они, торговый. А значит, будет блюсти их, посадских, интересы. За такое право они воевали сегодня на сходке.

Двор Кузьмы в этот вечер заполнился его приятелями и соседями, дома которых стояли кучно здесь, на Нижнем посаде, вблизи Волги-матушки.

Все собравшиеся уселись за стол, накрытый Татьяной, женой Кузьмы, по случаю этого важного для них события. В этот вечер мужики много говорили о делах нового состава земской избы. И каждый хотел сказать что-то своё Кузьме. Ему давали наказы... Говорили о Нижнем, о посаде. Его-де надо устроить. Не всё здесь ладно. Вон мостки провалились, совсем сгнили, что подле Почанинского оврага... Да за речкой Ковалихой надо бы перила поладить. Для ходьбы, чтоб удобней было.

Мало-помалу от посадских забот они перешли к делам всего города. Посудачили они и о том, что в Нижнем сейчас нет доброго воеводы. А вот под Москвой они, пожалуй, есть. Да и в самой Москве, среди бояр...

– Но там, под Москвой-то, в таборах, совсем худо, – начал рассуждать Кузьма, осознавая, что теперь, когда он стал старостой, он способен вершить немалые дела вот с этими людьми, окружавшими сейчас его.

Со всех сторон на него воззрились глаза десятка людей.

– Что у Заруцкого, что у того же Трубецкого... Ляпунова не стало, так совсем всё плохо пошло, говорят.

Мужики заскребли затылки, понимая, что если ополченцы разбредутся из-под Москвы, тогда Русь пропадёт под поляком.

– Как ополчению-то помочь?

– А вот как бы своё-то ополчение, – осторожно заикнулся Кузьма.

Нерешительно прозвучало это... Но прозвучало.

– Мужичье, что ли! Посадское! Ха-ха-ха! – засмеялся Потапка над ним. – С нашего посаду! Хи-хи-хи! – стал издеваться он над его предложением.

– Почему только с нашего?! – обиделся Кузьма, что его думы осмеял даже Потапка, этот недалёкий мелкий торговец. А заикнись он об этом в ином каком-нибудь месте, в той же Земской избе, так засмеют до смерти. И тут же выгонят из старост. А что уж говорить о воеводской, приказной избе. Там же дьяки и подьячие, это хитрющее племя заживо съест, только одними насмешками.

Но от этих мыслей у него появилась и злость на людей, что его принимают за скудоумного.

– Вон, по нашему хотя бы уезду-то, сколько тех посадов! – стал защищать он свою мысль. – А по всей Рассеи! По всей земле!..

– Да ладно, будет тебе, Кузьма! – стали подтрунивать над ним мужики, чтобы оставил эти затеи. – Давай-ка выпьем! На посошок!

Они выпили ещё, немного поговорили и разошлись по домам.

Кузьма, оставшись один, ещё долго сидел за столом, на дворе.

Стало уже совсем темно. Ночи пошли уже прохладные.

В избе засветился слабый огонёк жирника. Там Татьяна стала готовиться ко сну. Нефёдка, их старший сын, вернувшись вечером с товаром, посидев немного за столом со всеми мужиками, ушёл спать в сарай, на сене, всё ещё благоухающем запахами летних цветов.

Этот же выбор Кузьмы в земские старосты словно что-то перевернул у него. Среди ночи он проснулся с сильно бьющимся сердцем... Его поднял странный сон: звон сабель в большом сражении, оглушил его во сне... И в первый момент он даже не мог сообразить – на самом ли деле всё это происходит или в его голове, разгорячённой сегодняшней схваткой в земской, а затем разговором с мужиками на дворе... С чего-то ныла, болела душа, не спалось.

Рядом тихо сопела во сне Татьяна. За печкой знакомым духом, пыхтя, о чём-то судачила сама с собой квашня... У кого-то из соседей взлаяла собака...

Он осторожно сполз с кровати, накинул поверх исподнего кафтан и так, босиком, вышел во двор. Усевшись на лавку подле завалинки, он подтянул под себя ноги, подальше от сырой, тянущей холодом земли, и задумался... Что же случилось сегодня-то? Почему не дают ему спать думы, которых у него раньше не было? Откуда они у него появились?... Вот тот же Потапка

смеялся над ним, но в то же время по его глазам было видно, что понравилось ему то, что он говорил. И это мужиков будто огрело плетью, что-то пробудило... А как смотрел на него Нефёдка! У того, ещё молокососа, в глазах аж искры пошли.

* * *

Весь первый день земским старостой у него прошёл в заботах. Так что он даже не нашёл время сходить домой, чтобы перекусить. Сперва была мясная лавка на торгах, затем он ещё долго сидел в земской, знакомился с новыми своими обязанностями. Пришлось сразу, в этот же первый день, разбираться с тяжбой между двумя посадскими мужиками из-за какого-то забора между их дворами. Один из них кричал, что этот забор поставил ещё его дед, когда был молодым, другой нападал на него с упрёками, что он врёт, чтобы отсудить его себе. Чтобы как-то разобраться в этом споре, он сходил туда, на место, осмотрел тот злополучный забор, выслушал соседей об истории этого забора. Но так и не добился ничего внятного о том, кому же он принадлежит. И только вечером он явился домой, к тому же расстроенный от такого неудачного первого дня в земской.

И только успел он отужинать, как на дворе собралась вчерашняя компания. Он не приглашал к себе никого, явились сами.

Они снова уселись за стол, за водку. Выпили по одной чарке, по другой... Но что-то странно не вязался разговор. Все словно ждали чего-то.

И он понял, что мужики ждут продолжения вчерашнего разговора и ради этого пришли.

Потапка сегодня был серьёзным. Выпив, он старался не ухмыляться, что было нелегко для него.

– Ты, Кузьма, не сердчай за вчерашнее, – стал извиняться Ивашка Васильев, торговец в Горшечном ряду. – Ты ведь дело говорил, – скромно посмотрел он на него. – Но как его начать-то? Да и страх берёт от такого! Не наше, не мужицкое это дело!

– Уж больно велико-о! – закачал головой Потапка. – Не нашего ума!

– Ты говори о себе! – съехидничал над ним Гаврилка, торгующий серебром в Большом ряду, за что и получил прозвище «серебреник»; гулящие же, нищенская братия, прозвали его «Гаврилка Лом – полный серебром!»

– Но если не мы – тогда кто же?! – вскричал Кузьма.

Он снова стал заводиться от этих речей своих товарищей, возмущённый их страхом перед той громадой, замахиваться или не замахиваться на которую они сейчас решали, и заранее робели, от одной только мысли, что они такие малые... Он и сам тоже робел, даже когда говорил им об этом. Но его злило то, что они оказались ещё более трусливее, чем он сам... Они все как будто подошли к какой-то горе и стали перед ней рассуждать, что с ней делать. Да и рассуждали-то трусливо, словно заранее знали, что этого им кто-то не позволит сделать...

И он стал опять повторять то же, что говорил вчера. Со всех сторон на него посыпались вопросы.

– То же расходы великие! Не по нашему карману!..

– А где деньги возьмёшь?

– Он свою лавочку продаст! – не удержался, съязвил и сегодня Потапка, хотя был намерен серьёзно обсудить с Кузьмой его предложение. Оно ему понравилось. Но он даже не представлял, с чего начинать его.

В конце концов они решили всё это вынести в земской избе на более широкий круг обсуждения.

А слухи об этих их разговорах на дворе у Кузьмы уже разошлись широко по посаду. И в день обсуждения этого дела земская изба оказалась забита. Места всем в избе не хватило. И мужики закричали, требуя, чтобы разговор об этом проходил на дворе.

Все вышли во двор. Кузьма со своими, с которыми мусолил эту тему уже несколько дней, встал на высоком крыльце избы, чтобы их было видно всем.

– Мы тут, мужики, немного подумали, – начал он, обращаясь к толпе. – Кхе-кхе! – закашлялся он, несколько смущаясь под взглядами своих, посадских. – И решили дело завести... «Всея земли»...

Он прошёлся глазами по лицам людей, толпившихся сейчас у его ног, под высоким крыльцом земской. Но там, внизу, все молчали. И это не было похоже на молчание его единомышленников теми долгими вечерами у него на дворе. Там были свои: соседи, торговые из рядов. А тут полно и других, тех же ремесленников, были и казаки, стрельцы даже, ярыжки⁷... А вон, похоже, пришли поглазеть грузчики с пристани...

– И вот то дело «всея земли» выносим на ваш суд! – громким голосом объявил он самое важное. – Как решим, мужики?! – уже смелее обратился он к собравшимся.

С каждым выступлением у него росла уверенность в самом себе и в том, что он предлагал: сначала перед тем же Потапкой, затем среди друзей по Мясному ряду, с соседом Филькой, стариком, но ещё крепким головой. А вот теперь и перед всеми мужиками из Торговых рядов. Пришли даже серебряных дел торговцы... Принесло сюда любопытство и купцов, оптовиков, ходивших до Кизылбаш⁸, за море... А вон те из Чебоксар пригнали для продажи скот. Торговцы пушниной тоже были здесь; дело прибыльное на Руси от века...

Первыми ему отказали купцы-оптовики, у которых по Волге-матушке ходили караванами суда.

– Не-е! Это не наша печаль! – сразу же отмахнулся от такого Селантий, из оптовиков, пришедший сюда посмотреть на нового земского старосту, чудного какого-то, уже прослышав о его странных призывах сколотить дело «всея земли». За него даже служилые не берутся, те же бояре, князья. – Ты сам посуди, Кузьма! – крикнул он Минину.

Затем, что-то надумав, он подтянул штаны на большом животе, вскарабкался на крыльцо, подвинул своим тучным телом в сторону Потапку и встал на его место.

– Я так полагаю, мужики! – обратился он к толпе. – Вбухаем мы в это немалые деньги! А что взамен получим?.. Кукиш! – соорудил он фигуру из трёх пальцев и показал её толпе. – Кукиш же, мужики, кукиш! – зашёлся он от правильности своих слов, торговца, выгодой живущего.

– Правильно, Селантий, правильно! – отозвались его сторонники, купцы, почуявшие в этом деле, какое предлагал новый земский староста, большой убыток себе, своей мошне.

Толпа под крыльцом, вроде бы единая ещё минуту назад, распалась. Там и тут, разбившись на отдельные кучки, люди стали о чём-то яростно спорить... Лица исказились от праведных страстей... Каждый говорил что-то своё, требовал, настаивал и защищал известное и дорогое только ему, его думам, двору, мошне, карману, и той же лавочке своей...

На стоявших на крыльце небольшой кучкой Кузьму с его товарищами уже никто не обращал внимание.

Селантий, довольный своей победой, тем, что спихнул народ с той колеи, куда завлекал его Кузьма, похлопал его по спине:

– Вот так-то, Кузьма!

Спустившись с крыльца, он пошёл от земской, неуклюже переставляя короткие и толстые, как тумбы, ноги в широких шароварах, похожих на запорожские. Да, действительно, оттуда, с Днепра, он недавно привёз большую партию товара, в том числе и шаровары, и

---

⁷ Ерыга, ерыжка, ярыжник – пьяница, шатун, мошенник, беспутный.

⁸ Кизылбаши – красноголовые – старинное прозвище персов, носивших на голове красную чалму; территория, где живут кизылбаши.

выгодно сбыв его здесь, на Волге. За ним, всё также о чём-то переругиваясь и споря, потащились все со двора земской избы.

У крыльца стало пусто.

Кузьма тяжело вздохнул, отпустил своих:

– Всё, на сегодня хватит. Идите по домам...

Потапка, Гаврилка и Ивашка Васильев ушли. Нефёдка задержался, заговорил было, что, может быть, отец пойдёт тоже домой. Но Кузьма выставил из земской и его. Нефёдка ушёл.

А он зашёл в земскую и сел за свой стол старосты. Затем он вскочил и заходил по избе, стал думать, в чём он ошибся, что народ не пошёл за ним. Но видно, видно же было, что многие жаждут того же, что и он... «Почему же тогда у меня вышла промашка?..»

* * *

– Не расстраивайся, Кузьма! Первый блин всегда комом! – стал успокаивать его Потапка, когда они собрались, как обычно, на дворе Минина.

Они поговорили и решили собрать народ ещё раз, и не только торговых. Те-то мужики прижимистые, не пойдут на дело, если видят, что потеряют в нём.

– А вот простой народ откликнется скорее на дело «всей земли!» – доказывал это и Гаврилка.

Снова объявили сходку. А чтобы побольше было людей, послали по городу бирючей, кликать об этом деле «всей земли»...

Эта работа не пропала зря. Когда Кузьма вышел со своими советниками опять на крыльцо Земской, то увидел море голов. И не только мужиков, полно было и баб, девок и парней, бегали и ребятишки.

А он уже не робел, появилась злость на самого себя, что плохо говорил, не убедил людей на доброе начинание.

– Граждане Нижнего! Товарищи вы мои, друзья! – с необычной силой начал он, уже готовый драться за то, что предлагал, что считал спасением для всех них, собравшихся здесь, и для тех, кто где-то жил в иных городах, для Руси, для родины. – Говорил я прошлый раз о том, чтобы подняться на дело «всей земли», встать и защитить её, нашу мать-родину, поруганную и занятую врагами!.. И не послушались меня иные!.. Посчитали свою корысть выше общего блага! Отказали! Но отказали-то малые, умом малые, хотя мощной-то велики!.. И что им в том богатстве-то?! – кинул он в толпу посадских свой основной довод. – Только поганым зависть! Те придут, возьмут наш город и сотворят то же, что и прочим городам сотворили! А устоять ли нашему одному-то городу?! Москва велика – и та не устояла!.. И тяжело там нынче, под Москвой! Плохо там!.. Ляпунов, надежда наша, убит! И некому стоять за дело земское! Нет его, который собрал ополчение и пошёл к Москве, освобождать её и нашу Русь-матушку! Так встанем же мы на его место, возьмём в руки оружие! Соберём новое ополчение! Здесь, в Нижнем! Пойдём отсюда на освобождение России! Прославим свой город! И об этом, вашем подвиге! – выбросил он руку в сторону толпы, заметив жаркие взгляды, море голов, колыхнувшихся в порыве на его призыв к крыльцу. – Будут помнить ваши внуки и правнуки! И будут благодарить вас за то, что сотворили благое великое дело «всей земли!»

Он замолчал, готовый говорить и дальше, убеждать, а если нужно, и умолять. Но больше говорить ему не нужно было.

По толпе, по морю голов, пошли волнами крики.

– Даёшь ополчение!.. Мужики, готовьтесь в поход!..

– Кузьма, собирай пятаю деньгу на ратных!

– Миром, миром надо! Кто что может!.. Жертвую!..

На крыльцо, под ноги Минину упали, звякнув, первые монеты... За ними ещё и ещё...

Кузьма толкнул в плечо Потапку и Гаврилку:

– Тащите стол и бумагу! Принимайте по описи, кто и что дал на дело «всей земли»!

Вытащили столы, за них уселись подьячие. И закипела работа.

Двор земской был так набит людьми, что всем не хватало места, стояли дальше и дальше.

И это море голов терялось где-то за Почанинским оврагом.

– Товарищи! – обратился снова Кузьма к собравшимся. – Считаю, что для такого великого дела, на какое мы поднялись, надо собирать третью деньгу!

– Ого! Кхе! – кто-то даже крикнул в толпе.

Это пожертвование было немалым.

Кузьма знал по житейскому опыту, что порыв пройдет быстро, поэтому людей тут же, немедля, надо повязать клятвой: составить и подписать договор, чтобы потом, после горячки, никто не мог бы отказаться от своих слов.

– Мошна у меня в триста рублей! И я кладу сто на дело «всей земли»! – стукнул он кулаком о стол, чтобы подьячий записал за ним эти сто рублей. – Нефёдка, тащи сюда деньги! – велел он сыну.

На столы же подьячих, которые едва успевали записывать то, что жертвовали люди, сыпались кольца, серьги и бусы, в ход пошла и мягкая рухлядь, меха. Гора пожертвований росла подле столов подьячих. А их всё несли и несли люди, охваченные единым порывом, вложить свою долю в общее дело.

* * *

На другой день в земской избе собрался совет. Подьячие и дьяки уже подсчитали всё, что было собрано за вчерашний день. Хотя и в этот день горожане всё ещё несли вклады.

Несколько дней собирали всё, что было положено заплатить по договору тем, которые имели большую мошну. Те же, с большой мошной, расставались с деньгами тяжело.

– Мало, Кузьма, мало, – засопел Андриан Спиринов, владелец шести лавок; он отдавал их москательникам в наём, за немалые деньги. – Одних пожертвований мало. Сбор надо поставить, обложить окладом! На корм ратным, чем быть одету. Да и оружных поставить воеводе. И с монастырей и монастырских вотчин тоже надо собрать оклады.

– Поднялись мы, мужики, на великое дело, – согласился с ним Кузьма. – Но не по силам оно посаду! Нашему-то, одному! К городу надо обращаться! Ко всем людям! А затем уже и ко всему уезду, когда город даст добро!

– Но это же наше дело-то! – запротестовал Потапка. – Мы же его начали!

В его голосе мелькнула обида, что задуманное ими отнимут у них большие люди, непременно отнимут. Так было всегда: чуть мужик начнёт какое-то дело и оно оборачивается прибылью, тут же налетают желающие отнять его.

– Не потянем мы его, без уезда-то, без иных городов! – стал уговаривать Кузьма их, своих единомышленников, чтобы они не сопротивлялись.

Он и сам-то пока ещё смутно понимал, насколько велико то, на что замахнулись они. А как всем этим руководить и во что это выльется, они представляли слабо. Знали они только, что так нельзя всё оставлять в государстве, как оно есть. Это затрагивало и их интересы.

– С воеводами надо вместе, с городскими, с духовными! Вот когда они будут с нами, то иные города послушаются нас!.. А так: кто ты есть такой? Вот ты, Потапка? – спросил он его. – Тебя на посаде-то не все знают! А что уж говорить об уезде, иных городах! И кто тебя послушает?! Вон разве что ярыжки на торгах! Хм! – усмехнулся он над своим приятелем, над его копеечной ревностью.

– Ну и что же теперь... – пробурчал, обидевшись, Потапка, задетый его откровенным высказыванием в свой адрес.

Он и сам, в глубине души, знал, какой он мелкий человек. А вот это дело, которое они затеяли, подняло его в собственных глазах. Он стал уважать сам себя. И вот теперь у него снова отнимают всё.

– Пойдём на городской совет, к воеводам, к духовным, – ответил Кузьма. – К тому же Алябьеву! Ко всем дворянам обратимся, детям боярским, служилым, стрельцам тем же! – стал перечислять он те слои населения города, которые надо было вовлечь в дело «всей земли».

Он, Кузьма, уже будучи земским старостой, многое понимал в иерархии городских властей. Надо было заручиться поддержкой городского совета, воевод, чтобы ополчение приняло нужный размах. То, что они собрали в виде пожертвований, было слишком мало. Да и порыв-то пройдёт! И прижмутся опять те, кто под влиянием минуты откликнулся на призыв... Не-ет! Надо, надо повязать их всех крепко! Приговором! Чтобы не отступились на другой же день. Вот проснутся поутру и будут жалеть те свои денежки, что отдали невесть на какое-то дело, той же земли... Им до той «земли», как до луны: не греет, а когда светит, то они спят...

– Вот завтра и будет тот совет, – сообщил он им.

И тут же он наказал им, своим единомышленникам, чтобы обязательно приходили к воеводской избе, где обычно собирался совет из представителей всех слоев города...

В полдень на всех церквях отбили очередной час. Затем, спустя немного, колокол на соборной церкви ударил снова, затем ещё и ещё... И всё это было не к службе... «Буум-м!.. Бу-умм!»... И понеслось над соборной площадью, над городом, и до посада долетели эти отголоски нервные... Так созывали по важному случаю, чтобы решать свою судьбу, всем городом, выбирать на всех одну долю.

Колокол на Спасо-Преображенском соборе затих. И к собору потянулись горожане.

Служба в соборе прошла как обычно. Но необычным было время. И прихожанам предстояло не совсем обычное продолжение службы.

– Граждане Нижнего! – после службы обратился протопоп Савва к горожанам. – Москва – голова всем городам русским – оказалась в руках польских! А содеялось это от разлада в народе нашем! Скорбим мы все о том разладе! Скорбим!.. И вот сейчас здесь, во граде нашем, посадские поднялись на дело «всей земли!» За гробы наших отцов и дедов! За церкви православные! За матерей наших, жён и детей малых, старых и немощных! И я призываю вас, собравшись всей землёй, ополчиться на «литву», на короля польского!.. Выступить на защиту Родины нашей, поруганной «литвой» и поляком, что засели в Кремле, в самом сердце нашей многострадальной Родины!..

Служба прошла. Простой народ разошёлся. Городские же власти, захватив с собой протопопу и Кузьму с его единомышленниками, прошли в приказную избу. И там прошёл городской совет. И на нём был принят приговор о сборе средств на строение ратных людей.

* * *

В один из сентябрьских деньков, на бабье лето, в Земской избе Кузьма столкнулся в споре со своими советчиками. Спор зашёл о воеводе их ополчения. Предстояло обсуждение кандидатуры воеводы в городском совете. И торговые мужики сильно интересовались этим вопросом.

– А надо бы, мужики, как я, по простоте своей, считаю, в воеводы мужа честного. Чтобы ратное дело ему за обычай было, – начал Ивашка Васильев.

– Да, да, должен быть искусен в ратном деле! – согласился Гаврилка. – Но, – лукаво усмехнулся он в бороду, – искусен-то да! А вот возьмёт и сдаст искусно твоё войско тому же Гонсевскому... Кхе-кхе!..

– Ох, Гаврилка, ну и смышлён же ты! – зашумели мужики.

– Такого надо, который в измене незамечен был! – заявил Анисим Солоницын, торговец в Житном ряду.

– Вот это ты сказал точно, – согласился Кузьма с ним. – Поэтому князь Василий Звенигородский не подойдёт!

– Это почему же не подойдёт? – взъерошился Андриан Спирин. – Я за него положил пятаю деньгу! А она у меня немалая! Горбом нажил, горбом!..

– Ну, так и горбом?! – засмеялись мужики, зная плутовство Андриана со своими лавками, по найму их москательниками.

– А то и не подойдёт, что свояк он Михаилу Салтыкову! «Кривому», Салтыку! Тот же сейчас при короле! Не пройдёт твой князь! Жилу положу – не пройдёт! – показал Гаврилка кукиш Андриану.

– Да нет у тебя уже той жилы! Ха-ха-ха! – засмеялся над ним Потапка. – Все бабы говорят о том!..

Андриан же, оправдываясь, вскричал:

– Ну, я же не знал, мужики! Ей-богу, не знал!

– Коли не знал, то и спроса с тебя нет! – заключил Кузьма.

Потапка подсказал, что ещё есть Иван Биркин, при воеводах он здесь сейчас.

– Этот тоже перелёт, – отмахнулся от него Кузьма.

– Кого же тогда? – поскрёб лысину Потапка. – Нет же, братцы, никого, а?

– Думать надо, мужики, ещё думать, – строго оглядел своих советчиков Кузьма. – На крепкое дело идём! Не промахнуться бы с воеводой... На этом сегодня всё...

На следующий день в земской избе было так же многолюдно, как и в предыдущий день. Расселись по лавкам. По рукам пошли большие кружки с хмельным питием. Мужики пили медовуху, обсуждали текущие дела и говорили.

Когда все выговорились, но так ни к чему и не пришли, Кузьма заключил, что воеводу надо искать на стороне.

Мужики насторожились. Никто из них как-то и не подумал об этом, но и никто не знал доброго воеводу, из тех, кому можно было верить. У них на слуху были воеводы дальние, из тех, что были где-то там, под Москвой, да и в самой Москве, среди бояр. Тем же они не верили, да и не решились бы, от робости, обратиться к ним со своим делом, со своим мужицким ополчением. Им бы чего-нибудь попроще, близкое им. Робели они, хотя и замахнулись на дело «всей земли»... Робели перед начальными...

– А предложу я вам, мужики, вот такого воеводу, как князь Дмитрий Пожарской, – начал Кузьма.

– Это что – тот, из суздальских? – спросил Потапка.

Кузьма согласно кивнул головой, хитро поглядывая на своих советчиков.

– Одно слово – тот воевода, такой нам нужен, – продолжил он дальше. – По всем статьям тот. Но есть одно, мужики, – глубокомысленно поджал он губы. – Лежит при ранах. На Москве бился с королевскими...

– Послать до него, узнать как! – заговорили сразу все мужики. – Может, при смерти или отошёл уже!

– Нет, мужики, не отошёл, – всё так же хитро улыбаясь, выкладывал Кузьма дальше известное ему. – Жив, здоров. Вскоре от хворей избавится совсем.

– Откуда ты знаешь? – затормошил его за плечо Андриан. – Говори же, говори! Не тяни! Кузьма глубокомысленно засопел.

– А я посылал до него своего человека. Потому что время такое, мужики, что нельзя нам без обсылки наперёд ничего делать...

Здесь он, ради дела, покривил душой. Тем посыльным был он сам.

– Ну, ты, Кузьма, и дошлый же!.. Во голова!

– Да, с тобой промашки не будет!

– А может, ты сам ездил туда? – спросил его Потапка и подозрительно посмотрел на него. – Что-то тебя тут одно время долго не было! А?!

Кузьма только хитро ухмылялся в ответ на это.

– И что же твой князь-то? – не отставали от него мужики.

И Кузьма рассказал, что его посыльный вернулся ни с чем от Пожарского. Князь Дмитрий отказался принять на себя такую ношу.

Мужики загорячились, предложили послать ещё, поскольку без воеводы никак нельзя. В этот день они договорились, что поедут туда, к князю Пожарскому, в его село Мугреево, двое: Ждан Болтин и Андриан Спирин. Кузьма уже уговорил Болтина взяться за это дело...

– Не хочет брать на себя наше бремя! – вернувшись от Пожарского, сообщили гонцы Минину.

Выслушав посланцев, Кузьма засопел. Не думал он, что придёт очередное препятствие, и препятствие не из лёгких. Тут ведь надо так подойти, чтобы уговорить князя подняться вместе с ними, с мужиками, на дело «всей земли». А говорить с князьями он не научен, не приходилось ещё. Уговаривать же надо... Как тут быть? С какой стороны начать, что сказать князю, чтобы задело его, подняло с постели, хотя и раненый лежит. Да сейчас-то не до ран. Если уже ходит, то и принять должен их дело, мужицкое... Надо послать до него такого человека, которому он не мог бы отказать. И это он высказал вслух.

– А где такого найдёшь? – отозвались мужики. – Если он отказал Ждану Болтину! А тот ведь дворянин добрый!.. Кого тогда?!

– Я так полагаю, мужики! – заговорил снова Кузьма. – Не поднять нам князя с постели самим! К духовным надо обратиться за помощью!

– Во! – вскричал Потапка. – Правильно, Кузьма!

Кузьма стал развивать дальше свою мысль, что послать надо Печерского монастыря архимандрита Феодосия. И с ним выборных от города.

С этим предложением согласились все в земской избе.

* * *

В начале октября в ворота усадьбы Пожарских, в селе Мугреево, вошла длинная вереница телег. На передних и на задних подводах ехали охраной нижегородские стрельцы. В середине обоза, на отдельной телеге, везли архимандрита Феодосия. Там же шли две подводы, в которых разместились выборные из земской избы. Сам Кузьма на встречу с Пожарским не поехал. Для этого у него были причины. Представителями от города поехали опять Ждан Болтин и Андриан Спирин. Кузьма не решился посылать туда Потапку, зная его характер. Он опасался, что тот ещё ляпнет что-нибудь не то. И так переговоры с князем шли нелегко. Тот упорно отказывался принять их предложение. И мужикам было непонятно это.

Дворовые холопы князя Дмитрия встретили гостей, помогли распрячь коней и поставить их в конюшне. Архимандрита с иноком, который сопровождал его, поместили в отдельную комнату здесь же, на дворе усадьбы Пожарских. Нашлось здесь же место и для Ждана Болтина. Всех остальных разместили в селе по крестьянским дворам. И хотя дорога сюда была дальняя и путники устали, но время торопило. Поэтому в этот же день, вечером, князь Дмитрий встретился с нижегородцами.

В большой столовой комнате собрались все посланные от города. Князь Дмитрий как хозяин сел во главе стола. Справа от него место занял архимандрит, слева – Ждан Болтин и Андриан Спирин.

Холопы, накрыв стол, удалились.

Князь Дмитрий налил всем и себе по чарке водки.

Они выпили, поужинали.

– Я вот о чём хотел поговорить с тобой, Дмитрий Михайлович, – начал архимандрит, когда закончили трапезу. – Сейчас время такое: люди стали ненадёжны в слове своём. А дело немалое, какое замыслили, на что поднялись в Нижнем. Но уж легко поднялись-то... И не понимают: на что легко идут, также легко и отступятся от того, – печально заключил он.

Он оглядел скромно убранную столовую палату князя.

– И ты, князь, поступил правильно: отказал на первый раз-то... Не убоялся молвы: что вот, дескать, он каков, и государству русскому помочь не хочет... Поэтому: пусть молят, многаяжды молят тебя! Не то из-за скупости своей отступятся от дела. Поверь, князь, поверь! Не все, но будут и такие... А вот повязать договором народ надо, и крепко!..

Князь Дмитрий внимательно выслушал его.

– Я, отче, так понимаю честь: мне не нужно идти против своей воли. Что думаю – то и говорю... А только бы ныне такой столп, как князь Василий Васильевич Голицын, был здесь, и на нём всё бы держалось. И я к такому великому делу, мимо его, не принялся бы...

– Э-х, князь Дмитрий! Далеко сейчас этот столп, очень далеко! Король упрятал его в своей стороне!

Князь Дмитрий, согласно покивав головой, обратился к остальным переговорщикам, что вот слышал он, что в Нижнем собрали великую казну на поднятие ополчения. Но ещё немалые деньги нужны будут. И за рачительным расходом их нужен особый человек, которому мир поручит надзирать за казной.

– Среди посадских? – насторожился архимандрит.

– Да, – ответил князь Дмитрий. – Заводчиком этого великого дела у вас посадский староста Кузьма Минин! Вот и положите на него эту ношу!.. Он искренен, весьма искренен! Последнюю рубашку отдаст за отечество и православных святых.

– Хорошо, – нерешительно согласился с этим архимандрит.

Его задело то, что Кузьма обложил его монастырь пятой деньгой и жёстко потребовал уплатить её со всех монастырских доходов.

Князь же Дмитрий умолчал сейчас о том, что к нему первым из Нижнего Новгорода приезжал именно Кузьма Минин. Вот он-то и предложил выбрать такого человека. И князь Дмитрий, подумав, согласился с ним. Сейчас же посланцы из Нижнего сами рассказали ему, как Кузьма взял волю над посадскими и торговыми: возвёл в приговор пятую деньгу, наложил на ленивых страх, что будет продавать дворы нерадивых плательщиков, закладывая их жён и детей. И он понял, что тот оказался серьёзным мужиком, таким, каким должен быть во главе этого непростого дела.

«Время такое: нужны честные и крутые!» – подумал он.

* * *

До Нижнего Новгорода они, смоленские служилые, добирались на своих лошадях походным порядком. Среди них были и Яков Тухачевский с Михалкой Бестужевым. Всех их повернула в сторону воззвания нижегородского ополчения судьба их родного Смоленска. Всем им, смоленским служилым, жилось несладко в то время. Под Москвой, после того как убили Ляпунова, им, земским, оставаться стало опасно. Да и не нужны они оказались под Москвой тому же Трубецкому, тем более Заруцкому. И они, Трубецкой и Заруцкий, распорядились поместить их, смоленских, в Арзамас, в государевы сёла: на прокорм, до поры, когда они понадобятся. Но там, в тех государевых сёлах, мужики отказались кормить их. На сторону их, мужиков, встали и арзамасские стрельцы. Между смоленскими и арзамасскими мужиками произошли стычки. Но мужики не поддались пришлым. И когда слух об ополчении дошёл до Арзамаса, смольняне

сразу же снарядили своих людей в Нижний Новгород: узнать условия, на каких они согласны были бы служить.

И вот теперь Михалка и Яков, с ещё тремя смоленскими дворянами, добирались до Нижнего.

– И что ты тащишь меня куда-то? – ворчал по целым дням Михалка Бестужев на Якова.

– На дело, – лаконично отвечал Яков.

– Какое ещё дело? – только сильнее злился Михалка всякий раз, когда им нечего было жрать.

– Приедем – увидишь! И что ты ноешь, как девка! – начал злиться и Яков.

Его уже достало нытьё Бестужева.

На перевозе через Волгу они проторчали полдня, дожидаясь, пока за ними пригонят лодки с другой стороны реки.

– Ну, вот, а ты говоришь – торговые! – ещё сильнее стал язвить Михалка, насмехаясь над этой нерасторопностью нижегородских.

– А вон глянь – ещё какие-то служилые на подходе! – показал Яков на отряд конных, тоже подходивших к переправе.

– Подожди, надо выяснить, кто такие! – остановил его Михалка, когда Яков сунулся было в сторону конных, намереваясь узнать, откуда они. – Вдруг из калужских? От Заруцкого!

– Ну и что? Они тоже «землёй» стоят.

– Землёй – да не той! – усмехнулся Михалка.

Яков ничего не сказал на это. Его, вообще-то, удивляла в Михалке вот эта его насмешка над всем. Что бы ни происходило, тому всё равно ничего не нравилось. Но он всё же подошёл к тем, вновь прибывшим на переправу. Те же, спешившись, сразу стали готовить лошадей к переправе. Это оказались служилые из Переславля и Рязька. Узнав от него, что переправа тут нескоряя, они разложили костёр и стали готовить по-походному обед.

К вечеру только они наконец-то переправились...

Утром они, смоленские и служилые из иных городов, собрались в Земской избе. Там уже были какие-то торговые мужики, боярские дети, целовальники, подьячие. Даже был кто-то из духовных. Был и второй воевода города Алябьев и кабацкий голова.

Они, служилые, представили подьячим списки своих людей, согласных вступить в ополчение и на каких условиях. Затем переговоры между ними, собравшимися, пошли о воеводе ополчения.

– На совете мы избрали воеводу, крепкого головой! Князя Дмитрия Пожарского! – заговорил, сообщая новости, мужик, сидевший во главе стола рядом с Алябьевым.

Он был сухорукий.

И Якова удивило, что его, невзрачного и корявого, слушались все местные: посадские и торговые.

– Он что – твой земляк, потому и выбираешь?! – выкрикнул курносый сотник, из Рязька, с которым Яков говорил на переправе через Волгу.

– Он умелый воевода! И уже показал себя! – повторил в ответ на это сухорукий. – Может, ты найдёшь иного, лучше?! Так давай – говори!.. Что молчишь-то? – стал он сверлить крикуна взглядом. – Мы, торговые, просто так не доверим кому попало важное дело! Может, у вас, служилых, не так! Но это уже ваша печаль! Вон сколько наломали вы, служилые-то, по Руси дров! Гореть им да гореть ещё!..

Под его пристальным взглядом курносый сник. Выкрикнув своё, он не был готов получить жёсткий отпор от какого-то торгового мужика.

– Ну да! Как будто мы одни ломали! – возмутились собравшиеся служилые. – А бояре разве нет?! Те же князья!

– Кузьма, давай ближе к делу! – подали голос мужики из задних рядов. – А эти-то, если не желают служить, то пускай и катятся отсюда!

Собрание стало принимать нежелательный оборот: всё шло к раздору.

– Тихо! – прикрикнул сухорукий, которого мужики называли Кузьма, на расходившихся мужиков и служилых. – Здесь собрались не для драки! Драться под Москвой будете, с «литвой»! А сейчас определим, кому и сколько платить будем в окладах за службу!

Под его резким и грубым голосом шум в избе быстро затих.

Он же, Кузьма, ничем, по мнению Якова, не отличался от остальных торговых мужиков, рассеявшихся сейчас по лавкам избы подле стен. Вот разве что был строже взгляд да чуть прямее нос, как у дятла. Остальные в земской избе выглядели серыми и мало отличались от обычных холопов.

– Смольнянам надо казну на корм, на подмогу! – крикнул Михалка сухорукому, недовольный тягучими рассуждениями о каких-то мелочных дразгах с торговыми мужиками.

Он начал, как обычно, злиться. Михалка Бестужев как боярский сын по выбору из Смоленска всю свою не так уж и большую жизнь только служил. Он не вникал даже в дела собственного поместья. А уж тем более его воротило от торговых дел. И мужиков, занимающихся этим, он не любил. Тут же, неволей, приходится слушать их.

– Будет, будет вам и корм и казна, – сдержанно ответил ему Кузьма. – Сколько вас там, в Арзамасе? – спросил он, но не Михалку, а Якова, посчитав, что с тем быстрее можно уладить всё.

– Две тысячи, – ответил Яков. – Из тех, что на конях. Да к ним ещё вполовину пеших...

– Пиши! – велел Кузьма дьячку, мусолившему перо над бумагой. – Сотники идут по второй статье, а это сорок пять рублей оклад. Дети боярские конные – третья статья – по сорок рублей. А пешие и казаки по тридцать рублей статья... Посчитай всё на три тысячи, по статьям!

Он обвёл взглядом смоленских служилых, стараясь по их лицам определить, есть ли недовольные таким раскладом. Он не хотел отталкивать малыми окладами служилых. Набрать их оказалось не так-то просто. Пожарский, когда он был у него в Мугреево, в его вотчинном селе, советовал ему вести казну разумно. Но советовал и не скупиться с окладами служилым, чтобы приманить их к начатому делу.

– Кто у вас сотники, сами определитесь, – продолжил он разговор с ними. – А полковых воевод и голов назначит воевода, князь Дмитрий Пожарский. Вот к нему теперь и поедете: бить челом, чтобы он стал вашим воеводой!.. Понятно? Всё?! – строго спросил он их.

Михалка, почесав затылок, промолчал.

– Да, понятно! – за всех ответил Яков.

– Ну, тогда с Богом! Езжайте до князя Дмитрия! – отпустил их Кузьма.

Смоленские встали с лавки и вышли из земской избы вместе с другими служилыми.

После встречи с этим земским старостой, вечером, в избе у пушкаря Антипки Фадеева, где смоленских определили на постой, Михалка стал изливать своё возмущение оттого, что он сам же покорно подчинился этому торговому мужику с уверенным голосом.

Двор Антипки, бедный, с развалившимся забором, находился в Харламовой слободке, над речкой Почайной, стоял на бугре и был виден далеко. По соседству с ним жил стрелец Сенька Иванов, тоже на таком же бедном дворишке. И сейчас он, Сенька, приперся в гости к Антипке, как только узнал, что его постояльцы служилые, боярские дети, из Смоленска.

Они сели за стол. Выпили по одной чарке водки.

– Что это за мужик-то? Сухорукий какой-то! Он и саблю-то толком держать не может! – стал зло зубоскалить Михалка.

– Ну-у, не скажи! – обиделся Сенька с чего-то за Кузьму. – Он тут такую власть взял – иному боярину впору!

Михалка же злился на торговых мужиков, которые ворочали большими деньгами, какие у него даже не помещались в голове. И вот теперь эти, какие-то торговые, будут стоять над ними, боярскими детьми, и над ним тоже.

– А почто ты не сказал это там? При всех! – жёлчно спросил Яков приятеля.

Ему тоже не понравилось, что выборным от «всей земли» стал какой-то торговый мужик, к тому же сухорукий.

Антипка же, их хозяин, оказался щедрым малым. Это они сразу же поняли, когда тот поднёс им ещё по чарке водки.

– Ну, мужики, давай! За то, чтобы скорее освободить Москву, матушку нашу! – поднял чарку Антипка. – Тоскует она там, под ляхами-то!.. Ох как тоскует!

Истово перекрестившись, он дёрнул одним духом чарку крепкой.

И Яков с Михалкой, тоже выпив по второй, тут же простили всё местным торговым мужикам.

* * *

Через неделю после переговоров Пожарского с нижегородцами, когда те уехали, в село въехали пятеро конных. У двора Пожарского они спешили.

– Узнай, кто такие, – велел князь Дмитрий стремянному.

Фёдор вышел к приезжим, строго спросил их:

– Кто такие?

– Смоленские служилые! – ответил Яков. – Сюда послал нас из Нижнего Кузьма Сухорукий.

– А-а! – промолвил Фёдор. – Тогда поставьте коней вон там, – показал он на коновязи. – И зайдите в людскую. Там вас покормят. Потом уже примет князь.

Фёдор вернулся к князю Дмитрию, доложил о вновь прибывших.

В этот же день Пожарский принял их, смоленских, переговорил с ними. Он остался доволен, когда они сообщили ему, что они смоленские служилые, дворяне, сейчас приехали из Арзамаса, где их числом будет тысячи три. Они, прослышав об ополчении в Нижнем, решили примкнуть к нему. И их послали в Нижний узнать условия службы. Об этом они уже переговорили с Мининым. И тот отправил их к нему, к Пожарскому.

– И Кузьма просит нас, чтобы мы молили тебя, князь Дмитрий, приехать как можно скорее в Нижний! – отрапортовал Яков.

– Кто таков? – спросил Пожарский, выслушав его.

Ему понравился, как чётко всё изложил этот молодой и статный боярский сын, с приятным лицом и располагающей улыбкой.

– Яков Тухачевский, сотник!

– И где ты служил?

– Под Валуевым ходил...

– Твой Валуев-то вон где! – махнул Пожарский рукой куда-то в сторону захода солнца.

Яков опустил глаза. Ему стало досадно. Да, его отсчитал вот этот князь. И, возможно, он заслужил это. Ведь совсем недавно он тоже сидел с поляками за стенами Кремля.

– Ну, ладно! Идите в Арзамас, потом в Нижний! Там вас встретит всё тот же Кузьма Минин и поставит на корм, выдаст оклады как ратникам ополчения!

Из своей вотчины, из Мугреево, князь Дмитрий выехал на день Дмитрия Селунского. Он ещё не полностью оправился от ранения, поэтому поехал в повозке. За его повозкой верховыми следовали его боевые холопы во главе с неизменным Фёдором.

Прасковья, провожая его, вышла со всеми их детьми на крыльцо их небольшой, но уютной избы, в которой они всегда жили, когда наезжали сюда, в свою вотчинку.

Князь Дмитрий помахал им на прощание рукой, и его повозка скрылась за лесом, куда уходила просёлочная дорога, раскисшая от осенних дождей.

Уже на подъезде к Нижнему Новгороду повозку князя Дмитрия нагнал небольшой отряд служилых. Как оказалось, это были вяземские и дорогобужские боярские дети. Они, как и смоленские, тоже были помещены на прокорм на дворцовых землях, вот здесь же, неподалёку от Нижнего. Переговорив тут же, на дороге, и узнав, что они тоже идут в Нижний, прослышав о сборе ополчения, князь Дмитрий принял их тоже в свое войско, как и смоленских. И к Нижнему Новгороду он подходил во главе немалого отряда служилых дворян.

На берегу Волги его, князя Дмитрия, и следовавших с ним дворян, уже ожидали перевозчики с лодками, чтобы перекинуть на другую сторону реки. Там же, на той стороне, даже издали, отсюда из-за реки, виднелось подле городских ворот скопище людей в ярких праздничных одеждах. И там же, на том берегу, всюду гудели колокола по городу...

Переправившись со своими боевыми холопами, князь Дмитрий подождал, когда переправятся дворяне, теперь уже из его войска. И там, на берегу, он сел на коня, которого подвели к нему. Два стрельца взяли коня под узды, и он двинулся впереди своего, пока ещё небольшого, войска к городским воротам.

При его подходе к встречавшим колокола перестали будоражить людей. И в этот момент, когда унялся звон, на крепостных башнях полыхнули огнём пушки.

Его встречал весь Нижний. Воеводы, духовные, иноки с выносными крестами, купцы, посадские, ремесленники, дьяки и подьячие – все горожане были здесь, за каменными стенами.

Пожарский шагом подъехал на коне к встречавшим и остановился. С коня он сошёл сам, без помощи, хотя всё ещё чувствовал слабость. Она уходила из него медленно, очень медленно.

– От воевод города, от дворян, духовных и всех горожан, приветствуем тебя, князь Дмитрий Михайлович, как воеводу земского ополчения Нижнего Новгорода! – начал речь протопоп Савва. – Собравшемся для освобождения земли Русской от иноземцев, поляков и литвы! И мы все, советом города, со служилыми, духовными и всеми горожанами возложили на тебя нелёгкое бремя по освобождению Москвы, всей земли Русской от иноземцев, привести к успокоению её, многострадальную! И не ради славы, а ради отечества и гробов дедов и отцов наших, призвали мы тебя на службу «всей земли»!

Пожарскому поднесли хлеб-соль. Он отщипнул кусочек хлеба, обмакнул в соль и съел.

– Ко всем служилым, духовным и горожанам! – обратился он к встречающим его. – Не за страх, а за совесть буду служить делу «всей земли», к которому вы призвали меня! И не сложу оружия, пока не освободим Москву и не очистим землю Русскую от неприятелей и воров, вместе с ними разоряющих её!..

В этот день, после встречи, было застолье в воеводских палатах, были речи, пожелания.

И у него начались заботы: сначала он встретился с городским советом. Собирался он встретиться и со всеми из земской избы на посаде, начавшими этого дело, благодаря которому ему выпала доля стать во главе ополчения. Князь Дмитрий, ещё после первого визита к нему Кузьмы Минина, думал о том, что совершилось не только в его жизни, но и в государстве. В тех думах у него прошли несколько бессонных ночей...

Он не одобрял того, как управлял земским делом Ляпунов. В его руках, с его характером, тем, как он поступал, оно не могло не прийти к краху. В таких великих начинаниях спешка, неразумные дела – губительны.

Здесь, в Нижнем, вскоре он столкнулся ещё и с другой язвой, недугом своего времени. В один из первых дней пребывания его в Нижнем, при нём в городском совете разыгралась безобразная сцена из-за мест в руководстве ополчением. Хотя он и был уже признанным воеводой ополчения, но не все согласились с этим. Вот их-то глухое сопротивление он и почувствовал сразу, при первом разговоре в съезжей. Место первого воеводы было занято, поэтому

они стремились занять места под ним, усесться на них и, бездействуя, пакостить ему, сопротивляться всеми силами его приказам.

Но в этом, в борьбе против таких, он нашёл ещё одного помощника, кроме Кузьмы. Им оказался дьяк Василий Юдин. Тот был в Нижнем Новгороде своим человеком. В прошлом он уже служил здесь дьяком. Его прислали сюда в середине марта 1607 года. И он вёл здесь дела в приказной избе два года. Затем Шуйский перевёл его обратно в Москву, дьяком в приказ Большого прихода. Как только Шуйских ссадили, то бояре начали перетряхивать в приказах всех ненадёжных. И Ваську Юдина отправили обратно в Нижний. Когда же к нему в первый раз пришёл Кузьма Минин с посадскими купцами, он принял их настороженно. Он знал государственные дела, их сложность и запутанность. И его удивила простота, с какой замахнулись на большое дело посадские.

Вот он-то, Васька Юдин, опытный и умный дьяк, поддержал сразу же князя Дмитрия, встал на его сторону.

Глава 2

Ярославль

Смоленские десятины⁹ потянулись в Нижний. Там они полностью собрались только к Рождеству¹⁰ 1611 года.

Князь Дмитрий, встретив их, провёл им смотр. То, что он увидел, разочаровало его. С досады он чуть было не выругался. Те, что предстали перед ним, требовали больших затрат, много хлопот, чтобы с ними можно было воевать, чтобы они стали походить на мало-мальское войско.

– Ничего, Дмитрий Михайлович, выдадим оклады, справим оружие, одежду, чем быть сыту, – стал успокаивать его Кузьма.

Они распустили служилых. И началась работа по их устройству. Нужно было выдать им жалованье, обеспечить оружием, распределить на постой, выявить, нет ли больных, да как быть с безлошадными...

Сразу же выяснилась причина плачевного вида смоленских. Там, по деревням под Арзамасом, и в других поселениях, куда их, смоленских, поместили подмосковные власти, они не все устроили свои земельные дела. Многие так и не смогли обзавестись поместьями, из которых можно было бы подняться на воинскую службу. И в Нижний они притащились пешком, некоторые из совсем уже дальних поместий от Арзамаса.

С оказией добирался до Нижнего и Битяговский. Чтобы не замерзнуть по дороге, он пристал к попутному санному обозу. Мужики охотно взяли его с собой, узнав, что он идёт в Нижний, в ополчение. В дороге они накормили его, у кого-то из обозников оказалась и чарка крепкой. Так что Битяговский, хотя и явился в Нижний без коня и в лаптях, но топтать пешком и голодать ему не пришлось.

– Афоня, ты ли это?! – воскликнули одновременно Яков и Михалка, когда перед ними предстал Битяговский, их товарищ по службе, скитаниям и бедам.

Они обняли этого заросшего бродягу, покачались, стоя вот так, обнявшись втроем, затем уселись за стол. Изба быстро наполнилась смоленскими. Пришли те, что уже обжились здесь за месяц. Они глядели на только что прибывших и зубоскалили над их нищенским видом.

– Друзья, мы снова вместе! – вскричал Михалка, когда к ним на огонёк заглянул ещё и Уваров Гришка.

Антипка Фадеев, у которого Яков с Михалкой остановились и на этот раз, достал из клетки штоф с водкой. На столе появилась и закуска.

Они выпили: за встречу, за дружбу. Засиделись они допоздна.

Ночью пошёл снег. Затем замела, засвистела пурга, понеслись заряды снега, переметая все пути-дороги. И в городе, и на посаде, захлопнув крепко двери, люди залегли по избам на печках, прислушиваясь даже во сне к воплям и стонам рассерченной из-за чего-то природы. За ночь намело такие сугробы, что невозможно было выйти из избёнок. Утром их, смоленских, откапали соседи, которым повезло, не так сильно завалило.

В этот же день, когда их избёнку откопали, Яков и Михалка Бестужев, выйдя со двора Антипки, направились к Торговым рядам.

Придя туда, они сначала обошли Колпачный ряд. Искали Михалке шапку. Нашли овчинную. Купили за восемь алтын.

---

⁹ Десятини – списки городских дворян и боярских детей, т. е. дворяне и боярские дети, призванные в данный момент на службу.

¹⁰ 27 декабря (ст. стиль).

Заглянули они и в лавки в Сапожном ряду.

Якову нужны были крепкие сапоги. Сейчас, по зиме, ещё ничего, можно походить и в старых валенках. А в походе, впереди была весна, без крепких сапог не обойтись. Их они нашли тоже. Купили. Довольные, они пошли назад, на двор Антипки, уже ставший для них родным.

На подъёме в гору, у Поганого ручья, где накануне всё перемело снегом, навстречу им попались два мужика. Ещё издали Яков узнал в одном из них Минина. Тот, как всегда, куда-то спешил. Рядом с ним бодро вышагивал какой-то мелкий мужичок.

«Тот, что всегда с Сухоруким», – узнал Яков и его.

– А-а, смольняне! – расплылся Кузьма улыбкой. – Ну-ка, служба, постойте, постойте! – выставил он вперёд крючком свою усохшую руку, перекрывая им дорогу на тропинке.

Яков и Михалка хотели было улизнуть от мужиков, чтобы не объясняться. Но деваться было некуда, кругом возвышались сугробы.

Кузьма, по-детски непосредственный и обходительный с теми, кто был ему симпатичен, стал возбуждённо выкладывать им последние новости.

– Вот слушайте, слушайте! И своим передайте! Просовецкий занял Суздаль и Владимир!..

Он, как обычно, куда-то бежал. Время у него было в обрез. Но эта новость была важной для них, для служилых. Поэтому он остановил их.

– Туда его послал Заруцкий! – продолжил он. – Перекрыть нам путь на Москву! Вот и думайте, смольняне, думайте!.. Да ещё этот дьявол, Заруцкий, заставил Арзамас, ваш Арзамас! – ткнул он пальцем в грудь Якову. – Помочь тому же Просовецкому войском!

– Ну и что? – спросил Яков его, чтобы он разъяснил всё.

Кузьма покачал головой, глядя на него, как на малого.

– А вот и то! Этим показали они, Трубецкой и Заруцкий, что значит наше ополчение-то! Мол, вас никто не признает за власть! И за неё, за эту власть, ещё придётся здорово драться!

Глаза его засверкали. Он уже хватил вкус этой борьбы за власть здесь, в Нижнем, в самом низу, среди своих, посадских. И без этого уже не мог.

– Но мы же не одни! – воскликнул Бестужев. – Та же Казань с нами! Иные города тоже встанут!

– Да, – согласился с ним Кузьма, слегка помедлив с ответом.

Затем он крикнул скороговоркой им на прощание что-то, что они не разобрали, и побежал дальше, энергично размахивая одной рукой, другую же, усохшую, плотно прижимая к телу.

– Ну всё, братцы, на Москву походом не идём! – объявил Яков своим, когда они с Бестужевым вернулись на двор Антипки и передали разговор с Кузьмой. – Нет нам туда дороги! Если Заруцкий взялся за что-то, то доведёт до конца!

– Суздаль же под Просовецким! Андрюшка раздаёт там имения! – засмеялся Бестужев и стал рассказывать о Просовецком.

* * *

Зима выдалась, на удивление, тёплой, но снежной. И за те полтора месяца, пока они, смоленские служилые, провели в Нижнем, Яков успел подготовиться к походу. Получив из казны Сухорукого деньги, он купил себе, прежде всего, другого коня. Его старый конь так отошал от походов, частой бескормицы, что ни на что не был годен. И он задешево продал его какому-то посадскому. Затем он походил с Бестужевым по базарам и лавкам. Они присматривали себе оружие. Бедствуя в том же Арзамасе, многие смоленские продали свое оружие, чтобы добыть хлеба. Продавали и одежонку, совсем обносились. Яков до такого пока не опустился, хотя и он, бывало, тоже голодал. Но он так и не расстался ни с саблей, ни с конём. И только сейчас,

когда пришла пора идти на серьёзное дело, он сменил старого коня на более крепкого. Так же поступил и Бестужев, послушав его совета. С оружием оказалось легче. Обеспечить их оружием взяла на себя казна Минина. И по кузницам Нижнего пошёл перестук молотков: целыми днями там работали, торопились выполнить заказ ополчения.

Кузьма же, как всегда, был неутомим и вездесущ.

Яков частенько видел его, правда, издали, на улицах города, куда-то спешащего.

Каждый день Кузьма обходил все кузницы. Сначала он проверял, как идёт работа там, где ковали стальные щиты, винтованные пищали, копья, сулицы и прапоры; броню из колец тоже мастерили по кузницам. Нужны были барабаны, а значит, телячьи кожи. Это всё разместилось заказом в кожевенной слободке. А чтобы снабдить служилых кормами-то!.. О-о боже! Он и не представлял, какие нужны запасы-то!..

«Это тебе не твоя мясная лавочка!» – порой саркастически мелькало у него. Там за день он продавал в лучшем случае что-нибудь двум десяткам покупателей, своим же посадским... А тут иной размах!..

Оброк с этих кузниц платили в государеву казну, в съезжую избу. Но не в его земскую. И теми деньгами распоряжался воевода. А сейчас на его месте сидит Биркин.

«Ну, с этим можно договориться», – зная того, полагал он.

Обычно он начинал обход с Верхнего посада. Поднявшись с его родного Нижнего посада вверх по лестнице, вырубленной в снегу, он шёл к Дмитровским воротам города. Там он сворачивал налево, выходил по укатанной санями дороге к таможенной избе. Оттуда, от таможенной избы, по такой же дороге, схваченной морозами, он спускался саженей на шесть под гору... И вот тут-то, над крепостным рвом, на открытом пустыре, рядом стояли кузницы.

Кузницы он обходил все, начиная с посадского Феды Козлятева, и заканчивал кузницей Ивана Ларионова. Затем он возвращался назад, к кузнице своих старых приятелей, Феды Куприянова и Мишки Козлятева. Эта кузница была в своё время за Баженкой Козлятевым, двоюродным братом Мишки. Оброк с неё платили солидный, в 1 рубль 16 алтын и 4 деньги; мастерили они, Федька и Мишка, быстро и отменно, так что в заказах недостатка не было.

Постояв и понаблюдав, как Мишка оттягивает лезвие сабли, он обычно говорил ему на прощание какое-нибудь доброе слово и шёл в следующую кузницу, где перекидывался парой шуточек с кузнецами и подмастерьями. Обойдя так их все, он шёл в Кожевенную слободку, где готовили конскую упряжь для конных сотен. Потом он шёл по избам к тем бабам, которым раздал заказ на пошив рукавиц и шапок тягиляев¹¹. Забот хватало, за всем приходилось следить. Хотя люди работали без отдыха, по целым дням, но всё равно нужен был глаз да глаз. Не везде к делу подходили как надо бы, вот в эту-то пору, разорения и разрухи в государстве.

После полудня, быстро перекусив дома, куда забегал на минутку, он торопился в земскую. Оттуда он шёл в городской совет. И тяжелее всего ему приходилось там. Как только он начинал перечислять, что готово, а что нет и кому надо бы этим заняться из людей земской и приказной изб, как тут же на него сыпались упреки, что он лезет не в свое дело, и тем, мол, делом ему, посадскому, заниматься неуместно. А на то-де есть боярский сын, тот же Ждан Болтин, есть и дьяки и подьячие... Но те-то, дьяки и подьячие, пропьют же всё!.. Родную мать за чарку продадут! А не только казну!.. Воевода же Звенигородский уже давно сбежал отсюда... Алябьев? Второй воевода?.. Тот больно смирный и пальцем не пошевелит за день! Сам уже и не ходит, свой живот с трудом носит! Только на санях доставляют его в Приказную.

---

¹¹ Тягилай – толстая, из многих слоев материи боевая шапка, прошитая суровыми нитками.

* * *

Яков же понемножку подготовился к походу. Он купил ещё полушубок, чтобы не мерзнуть в поле, и валенки, а ещё мохнатки из собачины. Вот уж прелесть рукам-то! На голове у него появился новый заячий малахай. Он купил его задёшево, всего за пять алтын. Кафтан у него был ещё справный, и рубаха тоже, поэтому он на них не тратился. Купил он только ещё одни порты, зная, как быстро они изнашиваются в походе. Седло, сбруя и остальная упряжь, те же подсумки и конские вьюки для кормовых запасов, были у него ещё в добром виде.

После того как они приоделись, Бестужев хотел было затащить его в кабак. Мол, обмыть бы надо покупки, не то быстро изнасятся. Но он отказался.

В тот вечер из кабака Михалка вернулся с разбитой физиономией. Но это бы ещё ничего. А вот когда он проспался, открыл глаза утром, глянул на него, на Якова, с чего-то улыбнулся, то ощерился щербатым ртом.

– Пострадал, – смешно шепелявя, сообщил он, всё так же чему-то улыбаясь.

Теперь у него во рту несимпатично темнел провал, как у старика. Оказалось, он погулял бы в кабаке, ни во что не вмешиваясь. Но к тому, чтобы задраться, его подтолкнул боярский сын из Вязьмы. Тот, выпив с ним по две чарки водки, клялся ему в дружбе, потом полез драться с местными стрельцами... Вышла драка. И Михалке досталось больше всех...

– Меньше жрать будешь! – съязвил Яков. – И зачем ходить в кабак? Вон Стёпка, монастырский-то, всегда угостит водкой! Если хочешь – то и зубы выбьет! Ха-ха!..

– Ладно, пошли умываться, – прошепелявил Михалка, поднимаясь с лежака.

Он потянулся с хрустом в костях, как обычно, разминался с утра, сунул ноги прямо так, без носков, в валенки, и выскочил из избы. Во дворе он, по пояс голый, в одних помятых штанах, в которых спал, бухнулся в снег. Побарахтавшись там, охая, он вскочил и в два прыжка оказался обратно в их тёплой, но вонючей избе.

– Ух-х! – вырвалось у него со всхлипом. – Вот сейчас бы ещё чарку, а! Опохмелиться! – посмотрел он горящими глазами на Якова: румяный, курносый и здоровый. Он был славным малым, как и его покойный брат Васька.

* * *

В середине февраля в Нижний пригнал из Ярославля гонец и сообщил, что город захватили казаки Заруцкого.

В этот же день на городском совете было решено немедленно отправить в Ярославль передовой отряд и занять его. Только потом уже выступать основными силами.

Выбор идти скорым маршем на Ярославль малыми силами пал на князя Дмитрия Лопату-Пожарского.

Когда все разошлись из съезжей, князь Дмитрий остался с Биркиным и Лопатой-Пожарским.

– Дмитрий, ты уж постарайся, – мягко стал напутствовать Пожарский своего дальнего родственника Лопату-Пожарского. – У тебя две сотни конных. Этого вполне хватит, чтобы прижать там казаков!

Они оба были по имени Дмитрий, оба были Пожарские. Только один имел прозвище Лопата, оно уже крепко пристало к его фамилии, а другого после ранения в Москве, на Сре-тенке, стали было называть Хромой, но это прозвище не прижилось. Их прадеды были братьями: Иван Большой, Фёдор, Сёмен, Василий и Иван Третьяк. Вот так, если указывать их по старшинству. Дмитрий Петрович, по прозвищу Лопата, происходил от Фёдора, второго из

братьев. А Дмитрий Михайлович происходил от пятого брата, Ивана Третьяка. И они приходились друг другу братьями в четвёртом колене, и считались ещё родственниками.

– Не беспокойся, – сказал Лопата-Пожарский. – Всё будет как надо. А вы, как только получите от меня сообщение, тут же выступайте, – повторил он то, что уже было сказано на совете.

Утром князь Дмитрий провожал Лопату-Пожарского.

– С Богом! – пожал он ему руку. – Удачи!

Они обнялись. Лопата-Пожарский вскочил на коня и двинулся впереди сотни смоленских служилых. Они спустились вниз, к Волге, и пошли легкой рысью по укатанному зимнику. Вскоре они скрылись из вида.

Князь Дмитрий оживился, проводив родственника, и пошёл с Биркиным к съезжей избе. Там у них было достаточно других дел.

Прошло полторы недели.

В полдень, когда Пожарский и Биркин разбирались с войсковыми будничными нуждами, в приказную заскочил Кузьма.

– А-а, вот и он сам! – сказал князь Дмитрий.

Он только что собирался послать за ним.

– Дмитрий Михайлович, здесь гонец! – выпалил Минин. – Из Ярославля!..

Пожарский насторожился, ожидая неприятностей.

– Князь Лопата занял Ярославль! – выждав несколько секунд, чтобы произвести эффект, вскричал Кузьма.

– Зови, зови гонца! – обрадовался этому известию князь Дмитрий.

В избу впустили гонца. И тот сообщил, что Лопата-Пожарский, заняв Ярославль, переловил там казаков Заруцкого и посадил в тюрьму.

– Ну, слава богу! – перекрестился Биркин.

Гонца отпустили.

Решено было выступить немедленно, не ждать казанцев, Биркину же ехать туда, в Казань.

Настало время выходить в поход всем ополчением.

* * *

Подошёл март. Стало чаще появляться солнце. Морозные дни ушли в прошлое. От этого и настрой у служилых оказался иной.

Ополчение Пожарского двинулось вверх по Волге, зимником. Их санный обоз растянулся на несколько вёрст. Везли продовольствие, пушки, запасы зелья и корма для лошадей. Конные шли отдельно сотнями. Часть пеших ехала на подводах. На подводах ехали и пушкарки. Но многие ратники тащились пешими.

В войске уже все знали, что Суздаль заняли казаки Андрея Просовецкого. Поэтому от первоначального плана идти к Москве через Владимир и Суздаль пришлось отказаться. И им предстояло идти дорогой на Ярославль.

В первый день ополчение покрыло расстояние только до Балахны.

К городу они подходили уже в сумерках. Балахна стояла на правом низменном берегу Волги. И они увидели её только тогда, когда уперлись в низкие крепостные стены, обозначились посадские избёнки...

Здесь, в Балахне, войско разместили на ночлег. Ратных распределили на посаде: по избам, тесно, но в тепле.

Князь же Дмитрий и Минин въехали в город в сопровождении своих холопов и стрельцов. У съезжей избы они спешили и вошли в неё. В избе тускло горел жирник, стоял полумрак. За столом сидели два человека. Их лица неясно обозначались в полумраке. Пригля-

девшись, князь Дмитрий узнал Матвея Плещеева. Рядом с ним сидел какой-то незнакомец, оказался местным городским старостой.

Они поднялись с лавки.

Князь Дмитрий поздоровался с ними за руку, представил им Минина:

– Выборный человек Кузьма Минин!

– Да уже слышал! – сказал Плещеев, здороваясь за руку с Мининым.

Они сели за стол и выслушали Плещеева. Тот рассказал им, что он привёл с собой сотню боярских детей и готов присоединиться к ополчению.

– Хорошо, – согласился князь Дмитрий, обрадовавшись даже такому малому пополнению. – Скажи своим, пусть обратятся вот к нему, – показал он на Кузьму. – Он поставит их на довольствие. Определит оклады.

– Сделаю! – отозвался Кузьма, как всегда в таких случаях.

Плещеев и староста ушли из съезжей, по своим заботам.

– Кузьма, у тебя в этом городе земское дело есть? – спросил князь Дмитрий Минина.

– Да, Дмитрий Михайлович. Я иду к местным солепромышленникам. Здесь же делами заправляют и два моих брата. Соль варят, – стал подробно рассказывать Кузьма. – Здешние места богаты солью. Местные воротилы отправляют её дощаниками по Волге, по Оке. В ту же Москву. Да и в Ярославль тоже. Варниц здесь десятка четыре. Да рассольных труб вон сколько! – махнул он рукой выше головы. – Мой старший брат Фома начинал тут завод, уже лет двадцать тому будет. Сейчас, почитай, главный здесь. Вот через него, думаю, и выколотить из мужиков деньги на земское дело... Что-то я заговорил тебя, Дмитрий Михайлович, – спохватился он, сообразив, что надоел князю.

– Ладно, Кузьма, давай займись этим, – сказал князь Дмитрий. – Тебе помощь-то нужна в разговоре с мужиками?

Кузьма помолчал, соображая, втягивать ли в это Пожарского: «Да, если не справлюсь».

Князь Дмитрий понял, что Минин не хочет прибегать к его помощи. Надеется, что всё обойдётся мирно в разговоре с мужиками.

– Хорошо! Если что – пошлешь гонца ко мне!

Кузьма согласно кивнул головой и вышел из съезжей.

Зайдя в избу, где он остановился с Потапкой, бессменным помощником, Кузьма взял его и пошёл с ним на двор к своему брату Фоме. Там он попросил Фому собрать торговых и солепромышленников. Фома ушёл, а Кузьма вернулся в съезжую. Вскоре в съезжей стали собираться торговые мужики, рассаживались по лавкам вдоль стенки в просторной горнице. Тихо переговариваясь, они ожидали, когда подойдут промышленные, косо поглядывали на Кузьму и его брата.

– А при чём мы-то... – тихо ворчали они.

Они и так уже внесли от себя пожертвования. Тот же Фома, брат Кузьмы, поставил ещё три варницы за год, а к ним две рассольные трубы.

– Товарищи, друзья мои и соратники! – обратился Кузьма к мужикам, когда все собрались. – Горько осознавать, глядя на страдания малых, сирых, жен и детей! Наша родина, святая Русь, переживает тяжелые времена! Горько и видеть, что в сердце её, в Москве, стоит враг! И если не поднимемся мы на защиту её, поруганной, то кто же тогда, как не мы, освободит её!..

– Это боярское дело, не наше! – выкрикнул кто-то из задних рядов.

И этот крик ударил Кузьму по сердцу. Но он был уже не тот, когда впервые предстал перед толпой. Его сердце уже закалилось.

Кричавшего поддержали другие торговые.

– Тебе, Кузьма, то дело нужно – вот и справляй!..

Мужики, толстосумы, смеялись над ним. Кузьма не удивился их тупоумию. У них трещали кошельки от серебра, а в голове гулял ветер: пусто было, ничего не накопили.

– Вы первые же заплачете, запричитаете, когда сюда придёт «литва»!

– А что «литва»! – заговорил один из мужиков. – И под «литвой» жить можно! Лишь бы торговать не мешала!

– Ты родную мать продашь за свой торгашеский куш! – запальчиво закричал Кузьма. – И не даст тебе ничего «литва»! Последнюю рубашку снимут!

– Да не снимут! Не надо! Не пугай! Знаем мы их!..

Кузьма обозлился. Такого отпора он не получал даже в родном Нижнем, где торговые были покруче, чем здешние. И тех он обломал. А перед этими – что, спасует?

– Тому, кто утаит от обложения свое имущество – надо отсекают руки! – взвинулся он от собственной беспомощности донести сердцем, языком до людей то главное, что грозит и им тоже, слепым. – На ратных надо жертвовать! На ратных! Что защищают вас же, дураков!..

– Не-е, Кузьма, не пугай! И бить нас били, те же боярские-то! Да ничего – выжили! Как видишь! Да ещё и недурно живём!

– Эх, мужики, мужики! – сокрушенно покачал головой Кузьма. – Дураками жили – дураками и помрете! Вот уж правильно в старину-то говорили: собери десять дураков вместе – всё равно один умный не получится!

– Ты, что ли, умный?! – засмеялись снова над ним мужики.

– Оставьте! – отмахнулся от них Кузьма. – Как малые дети!.. Но, мужики, я с вас не слезу! Сейчас сообщу князю Дмитрию, чтобы послал стрельцов на ваши дворы! Вот тогда посмотрим, кто умный!

И Кузьма послал гонца к Пожарскому. Тот прибежал к князю Дмитрию, в съезжую, и сообщил, что он нужен там: помочь Минину уломать несговорчивых воротил.

– А ну, пойдёмте, поможем Кузьме! – предложил князь Дмитрий Плещееву и Биркину, с которыми в это время обсуждал дела по войску.

Они оделись потеплее. К ночи уже ударил мороз.

Около земской избы было полно любопытных. Они топтались, приплясывая на морозе, заглядывали в избу, но не решались войти.

И князь Дмитрий понял, что там сейчас идут споры, крики, с угрозами. Кузьма старается выколачивать из солепромышленников деньги на земское войско.

Он вошёл с Плещеевым в избу. Окинув быстрым взглядом лица людей, он понял, что ещё до кулачков не дошло, прошёл к Кузьме и сел с ним рядом за стол.

На следующий день, с утра, войско покидало Балахну. И на уговоры капризных, речистых и прижимистых солепромышленников времени у Кузьмы не было.

Ополчение Пожарского, выйдя из Балахны утром, к вечеру подошло к Юрьевцу. Городок оказался маленьким. Стоял он на правом берегу Волги, при впадении в неё крохотной речушки под тем же названием, и был слабо укреплён. Здесь к Пожарскому прибыло новое подкрепление: явился татарский мурза с отрядом конных воинов из Казани. Это были отставшие. Они всё ещё подходили.

На новую ночевку ополчение Пожарского расположилось в селе Решма. Утром ратным был дан приказ выступать.

И войско, снявшись с ночлега, скорым маршем двинулось дальше вверх по Волге до Кинешмы. Кинешма стояла тоже, как и Балахна, на правом берегу Волги. Здесь в Волгу впадали две речушки, Кинешемка и Кизаха. Город стоял в устье этих речушек, с удобными и обширными пристанями.

Жители города встретили ополчение радушно. В городе, как оказалось, уже была собрана казна, и немалая, для помощи «всей земле», нижегородскому ополчению. Полки распределили по разным частям города. Смоленских устроили на ночлег в Ямской слободке, в Турунтаевке.

Они переночевали, двинулись дальше. Впереди была Кострома. От тамошнего воеводы, Ивана Шереметева, князь Дмитрий уже получил отказ впустить его людей в город. И он не

удивился этому, зная, хотя и понаслышке, его отца Петра Никитича... Поэтому к Костроме полки ополчения подходили настороженно. Уже пошёл пятый день, как они вышли из Нижнего и на себе узнали, что не везде они желанны. Посад же сейчас, зимой, выглядел заброшенным. Уныло пялились вверх заметённые по макушку избёнки.

Здесь, на запущенном посаде, они встали по жилым дворам. Заняли они и заброшенные избы, спасаясь от ветра и снега.

Вечером на совете у Пожарского зашёл спор о том, как брать крепость. В разгар спора в их стан прибежал из крепости мужик и сообщил, что горожане восстали против Шереметева, осадили его двор, открыли крепостные ворота. И князь Дмитрий тут же послал к ним смоленских служилых, чтобы спасти Шереметева от народного самосуда.

Яков со смоленскими взял под стражу самого воеводу, его семейных и холопов. Затем они передали их всех князю Дмитрию.

В Костроме ополчение не задержалось. Нужно было спешить к Ярославлю.

Ярославль встретил ополчение Нижнего Новгорода ликованием народа, перезвоном колоколов. Они гудели, надрывались, как во хмелю. Сверкали позолотой маковки церковей. Вверх дыбились зубцами крепостные стены, темнея красным кирпичом.

Ополчение встречал воевода города боярин Василий Морозов, со всеми городскими властями и попами.

* * *

Слух о земском ополчении из Нижнего Новгорода распространился по всем северным городам, по Замосковному краю¹². И в Ярославль потянулись дворяне и боярские дети.

Приехал и его, князя Дмитрия Пожарского, свояк: князь Иван Андреевич Хованский, брат покойного князя Никиты. Хованский приехал с холопами, обозом. Князь Дмитрий встретил его с распростёртыми объятиями: как-никак, а свой человек.

Итак, ополчение росло. Требовался иной размах в управлении. И Минин срочно организовал приказы. Так у них, в Ярославле, появились в первую очередь приказы, без которых немислимо было строительство государственной власти: Поместный приказ, приказ Новгородской четверти, затем и приказ Казанского дворца, ведавший делами бывшего Казанского ханства, а также и Сибирского. Оттуда, из Сибири, Кузьма ожидал тоже получить помощь ополчению.

И на приказных дьяков обрушился поток дел. Всех служилых нужно было принять, получить с каждого поручную, определить в полки, выдать оклады, разместить по дворам, где можно было бы сносно прожить какое-то время: на посаде, да и в городе тоже, в Ямской слободке и в слободке у церкви Николы Мокрого, за ручьем, что впадал в речку Которосль... Оформить всех служилых как положено в Нижнем не успели. И эту работу заканчивали здесь. Стрельцов, казаков, тех же пушкарей оформляли подьячие. Дворян же и детей боярских – дьяки. Так распорядился Пожарский. Здесь, в Ярославле, на этом настоял совет «всей земли». И Пожарский понял, что местничество стало отвоевывать потерянные за последние годы позиции. Шаг за шагом всё возвращалось к прежним порядкам, к старине. И с этим нельзя было не считаться.

В первый же день здесь, в Ярославле, Яков пришёл в Приказную избу вместе с Михалкой. Тот принёс поручную на свой десяток.

– Поручная десятника Михалки Бестужева с товарищами! – для солидности пробасил Михалка, подавая дьяку лист бумаги.

---

¹² Замосковье – районы севернее Москвы, в современной Московской области.

Этим дьяком оказался Семейка Самсонов. После того как ссадили Шуйского, он ещё служил какое-то время в приказе Большого прихода, в Москве. Затем он походил дьяком у Трубецкого и Заруцкого. И вот теперь он здесь, при Пожарском.

– А кому? – спросил дьяк.

– Вот ему, – показал Михалка на Якова. – Сотнику Якову Тухачевскому!

Самсонов, взяв бумагу, стал зачитывать поручную: «Се яз десятник Михалка Бестужев, смольнянин, да моя десятка Афанасий Битяговский, Григорий Листов, Иван Максимов, Григорий Уваров, Михайло Неелов, ... и Тимофей Жидовинов, поручились быть промеж себя всем десятком друг по другу у сотника Якова Тухачевского в том...»

Он остановился, шумно высморкался. Ещё вчера он валялся в простудной хвори. Но дела ополчения торопили, и он притащился в Приказную, ещё не отлежавшись как следует.

«Быть нам на государевой службе в детях боярских, – продолжил он дальше. – И государеву службу служить, а не воровать, корчмы и блядни не держать, и зернью не играть, и не красть, и не разбивать, и не сбежать. А кто из нас из десяти человек сбежит, и на нас, на поручниках, на мне, десятком, и на товарищах моих, государево жалованье денежное и хлебное и пеня государева. А в пене, что государь укажет, и наши поручников головы в его голову вместо. И на то свидетели: Захарий Шишкин да Иван Трегубов. Запись писал в Ярославле Никифор Рыбин лета 7120 года апреля в двадцатый день».

Зачитав поручную, он посмотрел на него, на Якова, почесал затылок.

– Государя-то нет... «Земле» пишем службу. Ты как – не против? – спросил он его почему-то, хотя в войске все знали это.

– Нет, – ответил Яков.

– Ну ладно, – заключил Самсонов. – На! – передал он поручную подьячему.

Тот взял её и небрежно бросил в кучу таких же поручных, навалом валявшихся в деревянном ящике, обтянутом железными полосами и с петлями для замков.

Подьячий сообщил им, после того как выдал жалованье, что им отвели место в Спасской слободке, на берегу Которосли, сразу за стеной. Справился: найдут ли сами или объяснить где это.

– Не надо. Найдём, – отмахнулся Яков от услужливого подьячего.

Так, помогать с разъяснением, и чтобы вновь прибывавшие служилые чувствовали заботу о них земской власти, требовал от подьячих Минин. А они уже узнали характер этого посадского мужика. Не всякого назовешь крутым, по сравнению с ним-то.

* * *

В Ярославле они, смоленские, попали на дворы посада, что раскинулся у речки Которосли, на её низменном пойменном берегу. Рядом с их дворами, на площади, стояла церковка Богоявления, деревянная, рубленая в охряпку, но аккуратненько. Со стороны она гляделась приятно, точно молодлица в расцвете лет. Рядом с ней, на звоннице, висели колокола весом пуда в три.

Город стоял на правом, высоком, берегу Волги. При нём был посад. Расширяясь от крепости по этому же берегу Волги, посад упёрся в устье речки Которосль. Но затем он, как будто опасаясь переступить эту речку, с чего-то стал расширяться вдоль её берега, пополз вверх по ней.

И вот тут-то, в этом посаде, на берегу этой речки Которосль, довольно далеко от её устья, поселили их, смоленских.

Им, смоленским, каждый день говорили, что вот, мол, скоро выступим к Москве. И они, не особенно устраиваясь, жили по-походному, готовые сняться с места в любой момент. Но вот

прошла неделя, а никакой команды выступать не было. Прошёл месяц – всё то же. Но теперь даже до них, простых служилых дошло, что наверху не всё в порядке: из-за чего-то дерутся.

Тот же Кузьма опять столкнулся с толстосумами и здесь, в Ярославле. Он собрал их в приказной избе, объявил о сборе пятой деньги.

Первыми возмутились здешние богатые гости – Лыткин и Никитников.

– Приказчики уже внесли нашу долю в казну ополчения, ещё в Нижнем! – заявили они. – И кто ты такой?! – прямо в лицо спросили они Минина. – Чтобы требовать с нас!

Перед ними был свой – торговый мужик, такой же, как и они. И он собирался взять власть над ними, над их нажитым добром, их кошельками. И не где-нибудь, а в их же родном городе.

– Выборный человек Кузьма Минин! – резко бросил он им.

Он обозлился. Эти прижимистые мужики были ненавистны ему. Хотя ещё совсем недавно он сам был таким же, как они: считал каждую копейку, дрожал над ней.

– Ну, скряги, держитесь! – вырвалось у него. – Сейчас устрою вам развесёлую жизнь! И небо покажется в овчинку! Вот ты, Лыткин! – ткнул он своей усохшей рукой в сторону того, зная уже его и его доход. – Имеешь дело не менее трёх тысяч доходом! И с тебя, на нужды ополчения, приходится пятая деньга!.. Вот и тащи сюда шестьсот рублей!

От такого Лыткин позеленел. Он считал это грабежом и угрюмо смотрел на Минина, готовый отбиваться от этого выборного человека из Нижнего.

Мужики же угрюмо взирали на него. Никто из них не хотел уступать ему, такому же посадскому, торговому, но только набравшемуся каких-то нелепых мыслей о деле «всей земли».

– Не-е, Кузьма, так не пойдёт! Не пойдёт! – тоже резко отказал ему Лыткин. – Не ты наживал мои деньги!.. О «всей земле» говоришь? Пускай о том бояре думают!

Кузьма не выдержал.

– А ну, иди-ка сюда! – крикнул он Михалке Бестужеву.

Их, смоленских, охранять Минина приставил Пожарский. И теперь они таскались по очереди за ним, и как раз Михалка оказался сейчас при нём, при Минине, в Приказной избе.

– Что тебе?! – подошёл к нему Михалка.

– Позови сюда стрельцов! – приказал ему Кузьма.

Михалка помедлил, не зная, выполнять ли то, что приказал Минин, или нет. У него непроизвольно появилось раздражение на него, что тот командует над ним, как воевода. В Нижнем он уже хорошо узнал его. И, видя, что Кузьма смотрит на него угрюмым взглядом, как на послушного, он повернулся и молча вышел из избы.

Обратно он вернулся с Тухачевским, со своими, смоленскими. Они окружили Приказную. Яков и Михалка вошли в избу.

– Отведите их на воеводский двор, к Пожарскому! – велел Минин им и показал на несговорчивых купцов.

Яков подошёл к торговым мужикам с явным удовольствием выполнить сказанное Кузьмой, чувствуя свою власть над ними. Он не любил их, толстосумов, вороватых. Всех торговых он считал ворами.

– А ну, давай пошли! – приказал он.

Торговые подчинились, видя, что сила на стороне Минина. И Яков повёл их под конвоем к воеводскому двору. Вместе с ними пошёл и Кузьма. Там, у воеводской, Яков остался со своими у крыльца, а Кузьма провёл купцов к Пожарскому. И там, в воеводской, начались какие-то переговоры. Говорили там спокойно. Но иногда до них, до боярских детей и стрельцов, собравшихся поглазеть на расправу с купцами, долетали крики. Но разобрать, что там кричали, было невозможно.

Через некоторое время из избы выскочил Лыткин. И в тот же момент оттуда выглянул Кузьма и крикнул Якову:

– Пропусти его!

Смоленские отступили в сторону, пропуская купца.

А тот, с красной рожей, толстый, что-то зло проворчал сквозь зубы и, даже не взглянув ни на кого, чуть ли не побежал в сторону своего двора. И тут же из избы вышел Никитников. Вместе с ним вышли торговые мужики помельче рангом. Их тоже было велено пропустить.

В избе, как понял Яков, остался только Кузьма с подьячими и Пожарский. Что это значило, Яков понял сразу же. Да, Кузьма снова силой вынудил торговых раскошелиться на дело «всей земли».

Через некоторое время Лыткин вернулся назад к приказной. Вместе с ним пришли его холопы. Они принесли мешки, похожие, с серебром. Когда они проходили мимо, то в темноте один из них оступился, и в мешке глухо звякнули серебряные монеты.

И Яков по объёмистости мешков понял, что там была не одна сотня рублей... Да-а, этот торговый мужик был не из мелких, ворочал немалыми оборотами... И Яков почему-то обозлился неизвестно на кого. Он за службу получает такую мелочь по сравнению вот с этими торговыми, готовыми за наживу продать своих близких... А что уж им какая-то там «вся земля»...

После этого случая смоленские наотрез отказались охранять Сухорукого.

На третий день Кузьма выпустил из тюрьмы Никитникова и с ним ещё пятерых ярославских купцов-воротил. Стрельцы привели их к нему в Земскую избу, в которой расположился Кузьма со своими приказными, выполнявшими у него разные поручения.

– Ну что, мужики? – спросил он их.

Воротилы, помятые, выглядели неважно.

– Нечто мы не понимаем, – начал Никитников, оправдываясь за своих. – Почто сразу же и в тюрьму...

Кузьма понял, что мужики одумались, помолчал, затем предложил им:

– Вот что, Степан, и ты, Григорий, – обратился он к Лыткину и Никитникову по имени, чтобы расположить их к себе. – Давайте-ка на земскую службу! В совет «всей земли», а?!

Он хитровато улыбнулся, уже заранее предвидя их реакцию.

Купцы ожидали от него новых «неправд» и в первый момент даже не сообразили, о чём он говорит. Затем, сообразив, они нахмурили лбы, чтобы не показать, что выборный человек из Нижнего огорошил их.

Кузьма же посчитал, что лучше их иметь своими сторонниками, чем врагами.

– Ладно, сейчас идите домой! А завтра жду вас здесь! Дело «всей земли» будем справлять, мужики!

Купцы, недоверчиво глянув на него ещё раз, вышли из земской избы, сжимая в руках шапки, забыв о них.

Кузьма дал им время обдумать всё. Утром мужики сами пришли к нему в земскую. Лица у них выглядели просветлевшими. Их словно кто-то почистил, от их обыденной злой и расчётливой жизни. В них что-то перевернул вот этот выборный одним лишь словом, когда предложил им то высокое, на что они смотрели всю жизнь со стороны, как не на их дело.

Они, купцы-воротилы, были опытными дельцами и оказались полезны для ополчения.

– Монастырский приказ надо бы, – сказал как-то вечером Кузьма мужикам, собиравшимся обычно каждый день, чтобы обсудить выполненное и наметить предстоящее.

У него с монастырями был старый счёт. Ещё в Нижнем он не поладил с монастырскими. Прижимистыми оказались старцы, очень прижимистыми. Даже среди купцов не встретишь таких.

* * *

– Дмитрий Михайлович, твоя поддержка нужна, – начал как-то раз Кузьма разговор с Пожарским, явившись к нему в воеводскую избу на встречу, какие они часто проводили, обсуждая болячки ополчения. – Вот старцы, из Соловков, не верят мне!

Он положил перед князем Дмитрием письмо, написанное к игумену Соловецкого монастыря и отправленное месяц назад. И вот оно пришло обратно. Старцы требовали, чтобы его подписал воевода ополчения. Тот же князь Пожарский или другой из воевод ополчения, а не какой-то неведомый «выборный» человек...

Князь Дмитрий, глянув на него, на своего товарища и соратника по ополчению, добродушно усмехнулся:

– Кузьма, не обижайся на старцев. Они правильно поступают, что не верят никому. Время такое!

– Не в обиде дело, Дмитрий Михайлович! Вот туда посыльного гоняли, полмесяца ушло! А сколько ещё уйдёт! – загорячился Минин. – Время же не терпит! Вон, те же Строгановы, без проволочек выложили четыре тысячи в заём нашему ополчению! Да ещё московские купцы дали тысячу! Ведь торговые-то верят, а старцы – нет! А доходы-то у них не те! Куда до них иным купцам-то!

– Ладно, ладно, Кузьма! Подпишу! – засмеялся князь Дмитрий, зная его нелюбовь к монастырской братии.

– Дмитрий Михайлович! – показал на дверь Кузьма. – Подьячий ждёт за дверью, со всеми бумагами!..

Вошёл подьячий с бумагами, положил их на стол.

Пожарский взял перо, обмакнул его в чернильницу и аккуратно расписался внизу грамоты в Соловецкий монастырь, с просьбой займа денег для земского ополчения. Подьячий встряхнул над бумагой песочницей, подождал, когда высохнут чернила, затем свернул грамоту в трубочку, перетянул её шнурком, подвесил чёрновосковскую сургучную печать с двумя стоячими львами и подал грамоту Минину.

Кузьма взял её.

– А как с жертвованиями? – спросил его Пожарский. – Не забываешь!

– Да нет! – усмехнулся Кузьма. – Шлют, из многих городов!.. Шлют и серебро! Вот мы и решили чеканить из него деньги! Завести свой Монетный двор здесь! И жалованье платить той монетой!

– Это хорошо! – согласился князь Дмитрий с ним. – Ну, давай, Кузьма! Удачи! – пожал он ему руку.

Кузьма вышел от него с подьячим. Его торопили дела, с теми же деньгами, их было мало. Приходилось искать новые их источники.

Пока он не сказал ничего Пожарскому о том, что следовало бы обложить пятой деньгой и монастыри. А для того, чтобы упорядочить сборы со скупой монашеской братии, следовало завести Монастырский приказ. И его завели.

– А ведать Монастырским приказом думному дьяку Тимофею Витовтову, – зачитал новое назначение совета «всей земли» Василий Юдин.

Это назначение устраивало многих. Витовтова знали ещё по работе в приказах под Москвой, в ополчении Ляпунова. Оттуда он тоже ушёл, когда там начался разлад между земцами и казаками. И вот сейчас он здесь, как и Семейка Самсонов.

* * *

В Ярославле сложился и совет «всей земли». Он вёл все дела ополчения. И Кузьма был обязан теперь докладывать там обо всём.

Сразу же выяснилось, что старшинство в совете не уступят великие по «лестнице», оказавшиеся здесь: ни боярин Василий Морозов или тот же окольный Семён Головин, не говоря уже об Андрее Куракине и Владимире Долгорукове. Затем стали появляться всё новые и новые князья, дворяне. И они тоже стали оттеснять Пожарского с первого места. И в совете он уже не был первым. Первым воеводой же ополчения оставался.

Князь Дмитрий понял, уже давно, ещё со времён Годунова, что местническая «лестница» переломает всякого, кто решится замахнуться на неё, не подчинится ей, не пойдёт с ней рука об руку. И сейчас он осознанно взял её на вооружение. Он понял, что это тот рычаг, которым можно успешно вершить дело. Но и нужно твердо отстаивать свое место в «лестнице». А если жать на неё силой, то она уступит. Медленно, шаг за шагом, но можно подниматься по ней. Она жёстка, по первому-то, а потом пасует и она, изредка, но пасует... Она любит сильных и в то же время боится их...

– Кузьма, так надо, – объяснился он как-то со своим товарищем по начинанию. – Надо как можно больше привлечь на свою сторону дворян... Тот же князь Фёдор Волконский имеет большой вес среди земских служилых. Тот, что приехал вчера, – посмотрел он внимательно ему в глаза. – Наше дело погибнет без размаха! А размах принесут они, те же князья, дворяне: Куракин, Иван Троекуров, Пётр Пронский... Ещё вот-вот подъедет Дмитрий Черкасский. Так сообщил Борис Салтыков.

– Я всё понимаю, Дмитрий Михайлович. И понимаю так: раз «вся земля», то и собирать надо людей со всей земли!

– Вот и договорились, – удовлетворённо произнёс Пожарский. – Потом, как освободим землю, сочтёмся славой!

Он говорил с ним откровенно. Но в то же время он знал, что местничество, въевшееся во все поры жизни, в мозги и душу, не осилить. Всё вернётся на свои круги.

– Хорошо, Дмитрий Михайлович! Я пошёл: у меня уйма дел!

Минин ушёл. А князь Дмитрий ещё долго сидел в воеводской избе, перебирал в памяти то, что нужно было решить в первую очередь на совете, который должен был собраться завтра. К тому же его беспокоило то, что Биркин, приведя только что сюда казанских служилых, претендовал на то же место в ополчении, на каком был в Нижнем. Но он знал, что этого Биркину не дадут новые члены совета... Что будет завтра?.. Он опасался, что ополчение может развалиться, как развалилось оно под Москвой у того же Ляпунова... И он собирался драться за свое ополчение, с которым уже сжился, потратил на него много сил, и гибели его он не перенёс бы. Поэтому он готов был смириться, пойти на компромисс с теми дворянами, стоявшими выше его по «лестнице», которые наехали в Ярославль. Они нужны были для дела «всей земли». В этом он не сомневался.

С Биркиным он уже встречался. Он расспросил его: как он добирался, что было в дороге. Затем он перешёл к тому, что уже проявилось здесь.

– Иван, здесь, в совете, собрались великие люди, – с легкой иронией начал он. – И тебе придётся уступить этому... Смирись, Иван! Ради дела «всей земли»...

– Ладно, Дмитрий Михайлович, – пробурчал Биркин и вышел из воеводской.

* * *

И вот собрался очередной совет. Биркин явился на него с сотниками и полковыми головами, с которыми пришёл из Казани, с крутыми малыми.

– Товарищи, – обратился он к собравшимся, когда ему дали слово. – В Нижнем советом «всей земли» я был выбран в помощники к Пожарскому. И я требую, чтобы эта же должность была за мной и здесь!

– Сядь, Биркин, отдохни! – не дав ему договорить, жёстко осадил его Василий Морозов. Его поддержали братья Шереметевы:

– Ишь, чего захотел!

Биркин побледнел. Рядом с ним заволновались его сотники. Кто-то из них выбежал из приказной. В избе поднялся шум. Провинциальные дворяне вскочили со своих мест, яростно жестикулируя, бросая недобрые взгляды на бояр и князей, уже засевших в совете.

Дмитрий Черкасский попытался унять наиболее крикливых. Но его никто не слушал. Куракин тоже не смог успокоить казанских. Да и у него, уже далеко в преклонных годах, не было охоты ввязываться в чужую драку. Сюда его прислал из Москвы Мстиславский, чтобы он набрал войско. Но он, посчитав, что ему выгоднее, примкнул к ополчению...

А возле приказной, во дворе, стали собираться служилые из Казани. Подходили всё новые и новые. Становилось тесно и в то же время тревожно. Здесь что-то назревало... Боярские сотни, пришедшие с Куракиным, тоже стали собираться здесь же, на дворе. К ним примкнули служилые из сотни Артемия Измайлова, которых тот привёл в помощь Пожарскому из Владимира.

Всё грозило перерасти в столкновение. Вот здесь же, на дворе.

И князь Дмитрий обратился к Биркину:

– Иван, не доводи до крайности, до крови! Я прошу тебя, одумайся!.. Здесь не Нижний! – в сердцах вырвалось у него.

И Биркин понял, что Пожарский сам оказался оттеснен здесь от дела, которое начал вместе с Кузьмой... Бояре, окольные, князья нахрапом брали высшие должности и здесь, разбирали места ещё не состоявшегося государственного порядка.

А во дворе уже во всю слышалась перебранка между сотнями служилых. Звякало и оружие. Кто-то, похоже, бежал до своих, за помощью. В полках седлали коней, садились на них.

– Дмитрий Михайлович! – обратился Биркин к нему. – Пошли во двор! Тебя только послушают! Иначе не миновать беды! И всё из-за вот этих..! – тихо процедил он матерное слово, косо глянув на заседавшую верхушку совета в избе: на Морозова, Куракина, других...

Они вышли к служилым. Шум и крики затихли нескоро, хотя все видели, что Пожарский и Биркин вышли из приказной избы. Вместе с ними вышел и Пронский.

Драка всё же вспыхнула... У ворот столкнулись какие-то подвыпившие боярские дети со стрельцами. Появились и смоленские.

Яков и Михалка тоже оказались здесь, во дворе, в гуще событий. С ними пришли Никита Бестужев, Битяговский и Уваров Гришка.

Послышался звон сабель...

Пётр Пронский с чего-то стал разнимать их, уже зная одного из них, сотника.

– Тухачевский, усмири своих! – крикнул он ему.

Смоленские растащили по сторонам дерущихся...

– Товарищи! – бросил призывно в гущу служилых Пожарский. – Вот этого нам только не хватало! На радость нашим врагам, полякам, «литве» той же, что сидит в Кремле! Этого вы хотите?! Тогда деритесь между собой!.. Вместе надо стоять! За землю, за дома наши, за детей,

жён и стариков! Всё надо претерпеть ради этого! Всё!.. Потом уже, когда освободим землю, Москву, города наши, тогда и решим: кто кого будет выше!

Его послушались... И драка прекратилась, не сразу, но прекратилась.

– Я сообщу всё Шульгину! – резко заявил Биркин Пожарскому. – Пусть знает, как встретили здесь казанских служилых!

Князь Дмитрий поморщился. Ему, в общем-то, был понятен гнев Биркина. Но и знал он, что тот же Василий Морозов, который сейчас сидит здесь, в Ярославле, на воеводстве, недавно был воеводой в Казани, а при нём был дьяк Шульгин, сейчас захвативший там всю власть. И Василий Морозов не посмел вернуться в Казань, зная, что там сидит худородный дьяк, и его поддерживает всё население. И скovyрнуть его, Шульгина, там нет возможности. Сейчас да, а вот как станет порядок, тогда и полетит дьяк с того места.

В этот день всё обошлось благополучно. Но раздражение осталось.

Биркин отписал обо всём в Казань, Шульгину. И тот от имени казанского городского совета отозвал из Ярославля казанских служилых. Основная масса их подчинилась Биркину, и он увёл их обратно домой.

По этому поводу князь Дмитрий тотчас же встретился с Мининым. Дело с их ополчением грозило провалиться из-за того, что происходило сейчас здесь, в Ярославле.

– Кузьма, нам придётся смириться!.. Ради всей земли, ради страны!..

За него князь Дмитрий был спокоен. Этот посадский, когда речь шла о благе страны, мог перешагнуть через себя.

* * *

Так, в подготовке, строительстве приказов, в склоках, порой и в драках, время подошло к весне. Наступил апрель.

К этому времени уже был готов и план борьбы против польских отрядов, рыскающих по всем окрестным замосковным волостям, собирая корма для сидевших в Кремле и голодающих гусар.

В совете «всей земли» разгорелись споры: как вести себя по отношению к казачьим табора́м под той же Москвой, да и вообще ко всем казакам.

Князь Дмитрий, встретившись с Мининым, тоже стал обсуждать с ним этот вопрос.

– Ляпунов жил в дружбе с казаками того же Трубецкого и Заруцкого. А они раскатали вон как его!.. А эти-то! – показал князь Дмитрий в сторону Приказной, которая была где-то там, за стенами их избы, где сейчас собрались Куракин и Черкасский со своими ближними. – Ни в какую! Казак – он враг! Вот их правда-матушка! Я же поостерегся бы говорить так сейчас, когда мы здесь, а казаки там – под Москвой!.. Вот войдём в Москву, всё успокоится, тогда можно и порядок наводить! – сжал пальцы в кулак князь Дмитрий.

И Минин понял, что Пожарский, хотя и выглядит добреньким, вежливым и покладистым, на самом же деле не такой. И дай ему власть, государить в Москве, то неизвестно как он себя покажет.

* * *

В апреле же пришло новое тревожное известие. Пришло оно письмом с Белоозера. Зачитывал его Василий Юдин. Из письма следовало, что в Новгороде митрополит Исидор и князь Иван Одоевский зовут шведского короля Густава Адольфа на новгородское княжение. Это дело в прошлом году начинал Ляпунов. За тем и посылал в Новгород воеводой Василия Бутурлина. Но тот сбежал оттуда, когда де ла Гарди стал доискиваться города.

– Какое такое княжение! В Новгороде Великом оно и отроду не бывало! – встревожился Василий Юдин. – Поляки с Владиславом своровали! Так и шведы своруют со своим королевичем!

Здесь, в совете, не было единства.

Пожарский стал доказывать советчикам, что нельзя сейчас заводить драку со шведами, пока не освободили Москву... Так можно и надорваться...

Кузьма заикнулся, что хорошо бы обмануть шведов, потянуть время, в протяжку повести дело. Его поддержал Пронский. Он, князь Пётр, появился здесь, в Ярославле, вместе с Долгоруковым. Что принесло его сюда: на эту тему он ни с кем не откровенничал. Отшучивался...

Морозов стал развивать предложение Кузьмы, отправить в Новгород посольство. Небольших людей. Пусть поговорят, хорошо поговорят. И скажут, что ополчение будет просить об этом совет «всей земли»: как на то «земля» скажет. Избрать ли на царство Московское одного из шведских королевичей, какого король Карл укажет.

Решено было послать провинциального дворянина.

Пожарский велел дьякам подыскать такого.

Юдин тут же сообщил, что есть такой: Степан Татищев. Тот ходил с посольством Василия Голицына к Сигизмунду.

С этим согласились. С Татищевым решено было отправить сто человек: показать этим размах их ополчения и того, что они здесь, в Ярославле, представляют «всю землю».

Василий Юдин управлял здесь Поместным приказом. Дело это было для него знакомое, ещё по прошлому, в бытность Шуйского. И он вёл его хорошо. Нареканий на него ни у кого не было. Да и Пожарский ценил его как толкового дьяка.

Перечисляя как-то дела Пожарскому, которые требовалось решить, Юдин обратил внимание на одно из них.

– Вот ещё такое письмо пришло, Дмитрий Михайлович! Пишет сосланный Гришкой Отрепьевым в Соловецкий монастырь бывший казанский царь Симеон Бекбулатович. Ну, тот, который у Грозного был великим князем! А затем Грозный, когда натешился чудачеством, назвал его тверским царём!..

– А за что Лжедмитрий сослал его?

– Он обличал его в принятии латинской веры!.. Так вот, он, постриженный под именем инока Степана, просит освободить его от соловецкого жития! Стар он уже, слеп. Невмоготу ему там!

– Надо уважить старца! – расчувствовался князь Дмитрий, тронутый судьбой невольного старца. – Кузьма, проследи за этим! – велел он Минину. – Перевести старца Степана, по его челобитью, в Кириллов монастырь. Отпиши об этом игумену на Соловки. Да чтобы проводили старца до Кириллова, сдали там игумену и покоили бы его по монастырскому чину!..

В Ярославле, в ополчении, понимали также, что надо как можно скорее избрать законного царя.

– Чтобы земля стала! – говорил чуть ли не на каждом заседании князь Дмитрий.

И на одном из заседаний постановили, чтобы города прислали свои решения – приговоры, кого хотят в государи. И прислали бы они их, эти приговоры, со своими представителями, чтобы на совете наметить кандидатуру государя. В соборной грамоте, которую оформили дьяки ополчения, не было ничего о боярах, сидевших в Кремле, и выступавших против них ополченцев.

Соборную грамоту князь Дмитрий, хотя и был главой ополчения, подписал десятым, после Морозова, Долгорукого, Головина, Одоевского, Пронского, ещё и других, и даже после Мирона Вельяминова... Этого требовало местничество. И оно получило свое... Кузьма же оказался в этом ряду ещё дальше князя Дмитрия, пятнадцатым, и за него руку приложил князь Дмитрий...

– Ляпунов-то обличал тех, кто в Кремле сидит, заодно с поляками, – сказал Кузьма. – А здесь, в соборной грамоте, – ни слова о них! Всё свалили на одного Михаила Салтыкова!

Он осуждающе покачал головой.

– Великих бояр нельзя отстранять от избрания царя! – резко заявил Иван Шереметев.

– Ну да... – тихо пробормотал себе под нос Кузьма. Ему было понятно, что тот же Иван Шереметев отстаивает это из-за того, что его родственник, Фёдор Шереметев, сидит сейчас в Кремле с «литвой». Да и Черкасский – родня Филарету! А брат того и сын сидят тоже в Кремле, при великих боярах.

Но Шереметева поддержали все князья, окольные, стольники. И это раскололо совет.

* * *

Их стояние здесь, в Ярославле, затянулось. И Пожарский, встречаясь с Мининым, каждый раз подбадривал его, да и себя тоже, что они вот-вот, наконец-то, выступят.

– Опять этот архимандрит, Дионисий! – поморщился князь Дмитрий, получив письмо из Троице-Сергиевой обители. – Торопит: пора-де и выступить к Москве! Она-де всем голова! Как будто мы не знаем этого!.. И ещё: возлюби ближнего, как самого себя! Какое лицемерие!.. Они сами там, по монастырям, передрались между собой! А тут поучают!..

Он не заметил, что говорит, как тот же Кузьма.

Он устал от склок и дразг, которыми жил Ярославль последние месяцы. Хотелось чистоты, забыть в походе, на природе, о том, что происходило здесь. В этот день он обошёл полки, стоявшие постоем на посаде и в самом городе. То, что он увидел, насторожило его. Всюду была скученность, вонь от нечистот. Ополченцы, грязные, невымытые, выглядели неважно, появились завшивевшие.

– Кузьма, надо расселить ратных куда-нибудь! – вернувшись в приказную, отдал он распоряжение Минину. – Хотя бы по ближним деревенькам!.. И как можно скорее!..

Но они опоздали с этим. В начале мая появились первые больные. Затем их число стало быстро расти. Какая-то зараза, похоже, стала перекидываться из одного полка в другой. В полках запаниковали, когда в один день сразу умерло несколько человек. Из города побежали те, кто не выдержал, испугался.

– Поветрие!.. Зараза! – пошло гулять по полкам.

В Ярославле стало тревожно. И не только в полках, но и среди жителей тоже. К середине мая уже едва успевали хоронить умерших. Началось повальное бегство из города.

Князь Дмитрий собрал воевод, взял с собой Минина и дьяков и пришёл в храм Святого пророка Ильи, на площади города.

– Батюшка! – обратился он к протопопу. – Тебе не нужно говорить, что творится с ополченскими! Как помочь людям?! Остановить поветрие!.. Помогай! И из иных церквей призови для службы!

– Хорошо! – согласился протопоп. – Проведём крестный ход! Отслужим молебен! Да поможет нам Господь!.. И да будет суждено свершиться праведному делу!..

И вот из храма пророка Ильи выступила процессия духовных и ополченских. Несли икону Спаса, синолойные ¹³кресты, пели псалмы... От храма процессия двинулась в сторону воеводской избы. Прошли мимо церкви Иоанна Златоуста. Там ударили в колокола, к процессии присоединились ещё горожане, священники. Мимо воеводской прошли дальше, к церкви Леонтия Чудотворца, затем к стоявшему тут же собору Успения Пресвятые Богородицы. Там их тоже встретил перезвон колоколов. Оттуда, повернув направо, прошли мимо церкви Тор-

---

¹³ Синолой – ценная ароматическая древесина некоторых видов тропических деревьев (алоидное дерево), используемая для различных поделок и как лекарственное средство.

ской Богоматери и далее повернули к церкви Николы Рубленого. Везде их встречали и провожали колокольным звоном. У каждой церкви к процессии присоединялись всё новые и новые священники, с иконами послушники, монахи, простые горожане, посадские, крестьяне. Процессия росла, удлинялась, превращалась в людской поток, набравший силу против морового поветрия, чтобы всем миром одолеть его... Прошли Подзеленские ворота, затем мимо дворов, поставленных в каком-то пьяном беспорядке. От церкви Архистратига Михаила они повернули снова направо и двинулись к монастырю Преподобного Феодора, обошли вокруг него. После этого процессия направилась к Углическим воротам, выходящим на посад. За этими воротами они обошли вокруг церкви Рождества Богородицы, а уже от неё пошли к церкви Богоявления Господня. Вот только теперь процессия начала обходить посадские постройки, на которых разместились на постой полки ополчения.

Яков Тухачевский и Михалка Бестужев со своим двоюродным братом Никитой Бестужевым, а к ним пристали и все их приятели, смоленские, затесались в процессию ещё у воеводского двора. И сейчас они наблюдали, как батюшка из храма Пророка Ильи кропил и кропил каждое строение, каждый двор и избёнки, что попадались им на пути. А за ним едва попевал юный отрок с ведёрком святой водицы...

Обойдя посад, затем крепостные стены города, процессия вошла в город через Семёновские ворота и по Пробойной улице вернулась назад, к храму Пророка Ильи.

Смоленские служилые изрядно устали оттого, что пришлось тащиться вокруг всего города и по посадкам. Постояв, поговорив ещё немного у воеводской избы, издали наблюдая, как Пожарский даёт какие-то распоряжения собравшимся вокруг него начальным людям, они гурьбой двинулись уже ставшим для них привычным путём к себе, на посадские дворы.

Через неделю мор пошёл на убыль. А ещё через неделю прекратился совсем.

Выбрав время, князь Дмитрий и Кузьма пришли в храм Ильи. Поблагодарив батюшку за помощь, они передали ему небольшую сумму на храмовые расходы.

– Всё, что можем, – извиняясь, сказал князь Дмитрий. – Сам понимаешь, отче, нужда в деньгах в ополчении великая!

– Благодарю, Дмитрий Михайлович, – сказал батюшка. – А на эти деньги поставим церковь ему, нашему Спасителю...

Князь Дмитрий и Кузьма простились с протопопом, вышли из храма, остановились.

– Сейчас каждый поп, каждый монах нам в помощь! – здесь, наедине, без батюшки, стал наставлять князь Дмитрий Кузьму, зная его старую неприязнь к монахам и попам. – Возьми-ка лучше и поставь часовенку вот здесь! – топнул он ногой по земле. – В память об избавлении от мора! Не жди, пока батюшка примется за это! Тот может и потянуть...

– Хорошо, – сказал Кузьма.

То, что он обещал, он делал сразу же.

Часовенка, Спас Обыденный, была срублена в один день. Стоит она и до сих пор на том же месте, где топнул по земле князь Дмитрий, в центре древнего кремля, против Демидовского сада. Надпись на ней гласит, что здесь прославилась исцелениями в 1612 году икона Спасителя, когда в войске князя Пожарского разразилась эпидемия.

* * *

Первого июня вернулся из Новгорода Татищев. И сразу же озадачил весь совет сообщением о смерти шведского короля Карла IX. Это была новость, которая меняла многое в планах ополчения. На королевича Густава-Адольфа теперь рассчитывать не приходилось. Только на его брата, Карла Филиппа.

– А тот-то, второй, ещё мал! Как и Владислав!.. От шведов добра нечего ждать, – заключил Татищев после того, как сообщил подробности переговоров с новгородскими властями. – Ни король, ни королевич по сей день в Новгороде не бывали. Только обещают...

– Как и поляки, как тот же Сигизмунд! – подал реплику Пронский. – Ни полякам, ни шведам – веры нет!

– Князь Иван там, в Новгороде, совсем рехнулся! – резко отозвался Морозов об Одоевском, воеводе Великого Новгорода.

В этот день ничего не было решено. Дело с королевичами повисло в воздухе.

Князь Дмитрий и Кузьма после совета направились к себе. По дороге разговорились. Кузьма был против иноземного принца в Москве. Князь же Дмитрий был человек «земли», вообще не хотел ничего иноземного, но считал, что «земля» успокоится только при природном государе... А где его взять, если нет своего, природного? Вот и получается, что придётся кланяться, звать со стороны... Но здесь, в Ярославле, они уже ничего не решали в одиночку. То осталось в Нижнем. Здесь же был совет «всей земли». И в нём было много из боярских кругов.

– Опять иноземца хотят на Москву! Что за люди! – тихо выругался князь Дмитрий.

Это не удивило Кузьму. За те немногие месяцы, как пришлось ему взяться за дело с Пожарским, он уже узнал его. И он знал, что, будь воля Пожарского, он бы «закрыв государство»... И в этом они расходились.

– А как же купцы? – спросил он насчёт этого Пожарского. – Те ездят, торгуют. Тем государство полнится, богатеет.

– Землёй, ремеслом богатеть надо, – хмуро ответил князь Дмитрий.

– Землёй только пропитаться можно, – возразил Кузьма. – С неё не разбогатеешь...

Пожарский помолчал.

– А ты разбогатеть хочешь? – спросил он его.

– Каждый хочет, – резонно заметил Кузьма.

– Ты за себя говори! – с чего-то рассердился князь Дмитрий. – Сам же говорил в Нижнем своим торговым: что нам в том богатстве, если придут бусурмане, город возьмут, отнимут всё!

– Ну, то про бусурман, – примирительным голосом ответил Кузьма, чтобы не сердить Пожарского. – Да, от иноземного принца добра нечего ждать... Но при чём здесь купцы-то?..

Они, поговорив ещё, словно пободавшись, разошлись, недовольные друг другом.

Прошло три недели после возвращения из Новгорода Татищева, когда оттуда наконец-то прибыло в Ярославль посольство. В посольстве приехали дворяне из пятин¹⁴, не забыли включить в него и торговых... Стало понятно, что новгородцы почему-то не спешили. Хотя они знали, что ополчение в Ярославле уже признали многие волости и оно говорит от «всей земли». Во главе посольства приехали новгородский митрополит Геннадий, стольник князь Фёдор Черново-Оболенский и дворянин Смирной Елизарович Отрепьев.

«Дядя Юшки Отрепьева! Самозванца!» – подумал Пожарский, ни разу до сих пор не видевший того... Смирной несколько не походил на своего знаменитого племянника... У князя же Дмитрия перед мысленным взором невольно мелькнуло грубое, некрасивое лицо первого самозванца, выразительно искажённое страстью: тогда, на охоте, когда тот яростно забивал клинком беспомощного оленя...

Собрался совет. Оболенский сообщил, что они год назад отправили посольство в Швецию. Звали одного из шведских королевичей на новгородское княжение. И теперь, после смерти короля Карла, встал всё тот же вопрос: кого звать на царство.

– Да, посольство вернулось из Швеции, – подтвердил митрополит, когда его спросили, почему так долго новгородские послы находились в Швеции. – Умер король Карл! И послов

---

¹⁴ Пятина – каждая из пяти административно-фискальных единиц, введенных московской администрацией на основной территории Новгородской земли для организации сбора доходов.

задержали, поскольку новый король, Густав-Адольф, не имел время принять сразу наших послов!..

Затем, после него, выступая, Морозов обвинил новгородцев, что они хотят жить сами по себе.

Оболенский забеспокоился, стал оправдываться, что они держатся «всей земли», отстаивал кандидатуру шведского принца Карла Филиппа, за которого решили стоять новгородцы. Сообщил он также, что Густав-Адольф обещает приехать в Новгород.

– Как так?! – воскликнул Долгоруков. – Нужен-то его брат, а не он! Он, как и Сигизмунд, сам хочет сесть на новгородское княжение!

Это было подозрительно.

Разряжая обстановку, уводя разговор в сторону от острой темы, Пожарский спросил, как там, в Новгороде, жители ладят со шведами.

Оболенский, остыв немного от обвинений, стал нехотя рассказывать, что ничего, уживаются, с Якобом де ла Гарди в дружбе...

– Этот ваш барон Эггольмский, владелец Кольский и Рунзенский! – процедил сквозь зубы Морозов недоброжелательно о де ла Гарди.

Оболенский бросил на него хмурый взгляд, смолчал.

– Нельзя долго стоять без государя такому великому государству, как наше! – выступая, начал обозначать Пожарский позицию совета, сложившегося здесь, в Ярославле. – Многие метят на это место! Польский король Сигизмунд обманул со своим сыном! И многие, многие города изменили делу «всей земли»! Хотят своего поставить в цари! Без «всей земли»!

В конце этой встречи он подвёл решение всего совета:

– А на царство избрать только государского сына!

На очередном совете Пожарский сообщил воеводам последние новости.

– Опять келарь пишет, Авраамий из Троицы!.. «Всей земли» дело, пишет, начали! Почто тогда на Москву-то не идёте? Она-де всем голова!

Он подал знак Юдину. Дьяк встал с лавки, зачитал послание Авраамия Палицына. Келарь торопил ополченцев с выступлением. Он сообщал также, что к Москве идёт с войском гетман Ходкевич.

* * *

Подошёл конец июня. Тридцатого числа, как раз в пятницу, с утра его, князя Дмитрия, поднял его стремянной Фёдор, сообщил, что из Троице-Сергиева монастыря приехал келарь Авраамий.

Это было неожиданностью.

И князь Дмитрий, полусонный, к тому же болела голова после очередного скандала в совете, быстренько умылся, поплескал воды из ковшика, выпил кружку крепкого кваса и заспешил к приказной избе, на встречу с Авраамием.

Он вошёл в приказную. Вид у него был неважный. Тусклый взгляд, мешки под глазами... Увидев Авраамия, он подошёл к нему, поздоровался за руку.

– Доброго здравия и тебе, князь Дмитрий! – ответил Авраамий.

Тут же явился в приказную Кузьма, за ним и князь Иван Хованский.

Сразу же разговор у них зашёл о том, как скоро ополчение выступит к Москве.

Авраамий уже, оказалось, скоренько обежал по полкам, послушал ратников, их высказывания о том, как вершатся дела здесь... Раздоры, пьянки, склоки из-за мест наверху...

– Ну что же: ты уже посмотрел и сам, что здесь творится! – не сдержался, откровенно высказался Пожарский.

Сказано это было с горечью. Было заметно, что его угнетала вся эта возня с лестью здесь, в ополчении, выяснением – кто кого выше...

Разговор получился нелёгким.

Авраамий вернулся в Троице-Сергиев монастырь.

– Пьют! – лаконично заметил он, встретившись сразу же по приезде с архимандритом Дионисием. – И склоки развели!.. Местничают!..

* * *

В середине июля в Ярославле наконец-то было принято решение о походе на Москву. Перед выходом из Ярославля собрался совет всех воевод.

За неделю же до того, когда Пожарский как главный воевода ополчения приступил к назначению полковых воевод перед походом, пошли новые местнические разборки.

– Стар я уже, чтобы ходить в такие походы, – начал князь Андрей Куракин, собираясь отказаться от похода и в то же время не обидеть Пожарского, которого уважал за характер, но ходить под ним не согласен был. – Мне бы лучше на воеводство...

Совет удовлетворил его просьбу, зная, что дело здесь не в возрасте. И князя Андрея назначили воеводой в Ростов... Василий Морозов как боярин, посчитав, что тоже не может быть ниже Пожарского, попросил совет оставить его на воеводство здесь, в Ярославле. Семён Головин демонстративно уехал в свое поместье. Дмитрий же Черкасский сам, никого не предупредив, отправился в Кашин, всё туда же, где до того стоял с полком.

И у Пожарского остались те, кто признал его стоящим выше по «лестнице», подчинился его приказам: его свояк Иван Хованский, Лопата-Пожарский, Фёдор Дмитриев, князь Василий Туренин и неизменный верный делу Кузьма. Да ещё полтора десятка стольников, ниже рангом, к ним четверо стряпчих и десяток московских дворян.

На совете был принят план, предложенный Пожарским: послать сначала небольшую силу, разведать, встать под Москвой, укрепиться.

Для этого отрядили опытного в военном деле Михаила Дмитриева с немногими конными, всего четыре сотни. Стар был уже Дмитриев, помнил ещё Ивана Грозного, всем рассказывал о нём... Но и надёжным был старый служака, не доискивался зря по местнической «лестнице», видя здесь многих выше себя, на бою же действовал умело и отважно.

– Михаил Самсонович, в помощники тебе Фёдор Левашов! – начал Пожарский расстановку воевод.

Обратил он ещё внимание Дмитриева на то, чтобы он, прийдя туда, не становился в таборах у Трубецкого. Тот стоял у Яузских ворот. А встал бы отдельно, своим острогом, у Петровских ворот.

– Смекаешь, князь? – спросил Минин его.

– Да, – ответил Пожарский. – Придёшь в чужой дом – будешь самым распоследним...

– Казаки заедят тогда! – загорячился Кузьма.

– Да, они не пощадили Ляпунова! Такой был муж! – отдал должное тому Пожарский.

На этом же совете было решено, что затем отряд поведёт Лопата-Пожарский. Но только тогда, когда будут получены известия от Дмитриева, что он встал под Москвой, укрепился. Лопата же встанет острогом у Тверских ворот. А когда получат от него известие, то двинутся всем войском следом. Нельзя было рисковать всей ратью... Он же с Кузьмой придёт и встанет у Арбатских ворот. Так они перекроют Ходкевичу все дороги к Кремлю. Наказал он нарыть рвы на пути обозов Ходкевича, а по бокам от дорог засечь засеки. Если Ходкевич собьёт ополченцев с шанцев, то будет вынужден возводить дорогу для обоза. А вот это ополченцам как раз на руку: проиграет время...

– А мы подведём помощь, отобьём у него обозы! Надо лишить Гонсевского кормов! Пусть голодает! Из-за стен доносят, что поляки уже поели ворон! Жрут всякую падаль... Вот так мы их! – зло, с силой заключил Пожарский.

– Ходкевич может пройти в Кремль из-за реки, – возразил Кузьма.

Пожарский на секунду задумался.

– Ну и пусть, – сказал он.

Он не нашёл ответа на то, как остановить Ходкевича, если тот попытается прорваться в Кремль из-за реки. Да, его гайдуки могут перекинуться на другой берег. С обозом было сложнее. Громадный обоз не так просто переправить через реку.

– А по городам, запиши, Василий, – обратился он к Юдину. – Сборщикам забивать в полки всех ратных, ещё оставшихся людей! Нечего им сидеть на печках! Государство спасать надо!..

Суровая складка прорезала большой с залысинами лоб Пожарского.

– Всё, товарищи, всё! – сказал он воеводам. – Михаил Самсонович! – обратился он к Дмитриеву. – Дело делать без мешкоты! Выходить завтра же! С тебя зачин пойдёт!

Воеводы поднялись с лавок и покинули приказную избу. Пожарский остался с Юдиным и Мининым. Им ещё предстояло писать грамоты, подсчитывать расходы по войску.

В это время завершились и переговоры с князем Фёдором Оболенским. И новгородские послы уехали из Ярославля, назад к себе, с новым посольством от совета «всей земли», во главе с московским дворянином Порфирием Секириным. Перед отъездом Оболенского предупредили в совете, что если шведы не пришлют в ближайшее время королевича в Выборг, чтобы начать переговоры о возведении его на царство, то совет «всей земли» будет считать себя свободным решать это с иным претендентом.

Глава 3

Бегство Заруцкого

На день Прохора и Пармены ¹⁵с самого утра под Москвой шёл мелкий морозящий дождик. Но холодно не было.

Ещё днём, в это ненастье, Заруцкий переговорил с Бурбой. Разговор вроде бы должен был быть недолгим. Но на этот раз он затянулся, когда Заруцкий заявил, что отсюда надо уходить.

– Если на Калинов день туман – припасай косы про овёс с ячменем, – почему-то не приняв всерьёз его слова, потянувшись, пробормотал себе под нос Бурба.

– Ты что с Пахомки взял это! – рассердился Заруцкий на него. – Тут бежать надо, а ты про свою пашню! Пожарский идёт! Земцы! – выругался он.

Бурба смутился, смолчал, затем спросил его:

– Что сейчас-то делать? Отсед.

– Пока никому ничего не говори, – стал наставлять его Заруцкий. – Все атаманы, наши донские и волжские, участвуют в этом деле.

– Кто? И Тренька Ус?! – насторожившись, спросил Бурба его. – Ну, Микитка-то ещё ничего, наш, как и Юшка Караганец! А вот Треньке и Ворзиге я бы не стал доверять!

– Да, да, и они! – занервничал Заруцкий.

Он знал, что Бурба не доверяет волжским атаманам.

– И уходим сегодня ночью! – заговорил он зло так, когда уже решил для себя всё, и не терпел никаких возражений. – За час до темноты атаманы сообщат своим казакам! Кто пристанет к нам – с теми и уйдём! Иные же, из воровских, не успеют донести, до того же Трубецкого!.. Теперь-то всё?! – резко спросил он Бурбу.

Тот кивнул головой, затем, что-то прикинув, проговорил:

– Из моих – уйдут все.

– Молоды, потому и с тобой, – рассудительно заметил Заруцкий. – Старые-то уж больно расчётливы. За сытую жизнь и продать могут...

По лицу у него скользнула тенью грусть о прошлых временах, когда казаки не тянулись к добыче, а больше ценили братство, свободу, «круг».

– Они пойдут прямо на Михайлов. Мы же с тобой заскочим в Коломну, захватим Марину с её сыном и уйдём туда же. Там назначен сбор всему казацкому войску.

– Трубецкого-то, своего приятеля, ты, поди, оповестил об этом, а? – спросил Бурба его.

Открыв рот, он изобразил на лице простоватость, как обычно делал Кузя, когда прятал свои мысли, прикидываясь дурачком.

Заруцкий уже знал все эти его штучки и отмахнулся от них.

– Давай дело делай!.. Да, не забудь – седлать коней, когда станет смеркаться! И смольё приготовь! Ночи-то ещё короткие, но уж тёмные! Как бы коней на зашибить на ходу! Всё, у меня всё, Антипушка! Дуй к своим! Отойдём с версту – там и встретимся! Тогда и запалим огни!

Бурба спросил его: почему на Рязанщину, соскучился по Ляпуновым, что ли...

– В иные места нам дорога заказана! А оттуда, с Рязанщины, прямой путь на Дон, на Волгу! Смекаешь?!

Бурба согласно покивал головой.

А Заруцкий впервые заметил, что у его друга появилась, обелила виски седина.

---

¹⁵ День Прохора и Пармены – 28 июля (ст. стиль).

Бурба, прихватив ложку и крепкие сапоги про запас, добытые им на бою, ушёл в станицу своих казаков.

Заруцкий же ещё долго ходил по шатру и раздумывал обо всех делах, что с его участием вершились здесь под Москвой за последние два года. Да, он пришёл сюда и принял на себя тяжесть московских государевых дел. За них ему пришлось драться, и крепко драться с тем же Ляпуновым. И у него мелькнула самодовольная мысль, что после Прошки он управлял всей Московией. И эта мысль слегка пощекотала его тщеславие... Трубецкого он не принимал в расчёт ещё со времён Тушино... Но даже Бурбе он не рассказывал о своих тайных делах. Не знал Бурба и о том, что сейчас он вёл переговоры с тем же Ходкевичем... Вот это-то, что он связался с Ходкевичем, и выдал ротмистр Павел Хмелевский, поляк. Тот, сидя со всеми поляками в осаде в Кремле, крупно поссорился с Гонсевским. Поссорил же их Бартош Рудской, который доносил Гонсевскому на него, на Павла, цеплялся к нему... Дело приняло опасный оборот, так как за Хмелевского встал весь полк Зборовского, гусары которого собрались было уже побить Рудского и Гонсевского... И Хмелевский, опасаясь Гонсевского, перешёл на сторону русских, в стан Трубецкого... И сейчас он выдал его, Заруцкого! И кому? Трубецкому! И казаки в стане Трубецкого возмутились на него, на Заруцкого!.. «Сам-то Трубецкой не пошёл бы на такой разрыв с ним, с Заруцким!»... «Шальной – вот и бегаёт!» – мелькнуло у него о Хмелевском и вообще о таких, как тот... «А свалил я всё же его! Прошку-то!» – без прежней злости вспомнил он Ляпунова. Тот навсегда исчез из его жизни. А теперь настал черёд и ему убираться отсюда, из подмосковных таборов. Он понимал, что ему нельзя оставаться при царе, в Москве, при тех же боярах. Понимал, что те, как только всё закончится, выйдут из осады и снова встанут впереди всех, в той же думе, в Москве. Понимал он также, что они очень скоро примутся и за него, за его боярство, скинут его, сошлют куда-нибудь на службу, в далёкую крепостишку. И там он подохнет, как в клетке, в которой всегда будет что пожрать и выпить... «И девка будет на всякий день!» – со злостью подумал он о порядках в Москве, где не было места ему, как понял он это недавно. Не было места и ни его казакам, ни степнякам... «Как тому же Ураку!» – вспомнил он Урусова. Тот так и затерялся где-то среди кочевников, в степях... И тот же Трубецкой, в каких бы ни был он с ним в приятельских отношениях, бросит его, когда дело дойдёт до собственной шкуры. Да и сам-то Трубецкой едва ли устоит против тех, что сидят сейчас вместе с поляками в Кремле... «И ведь до сих пор ждут Владислава! Хм!» – усмехнулся он на удивительно тупое упорство московских бояр, засевших в Кремле...

Но с Трубецким он всё же увиделся этим вечером. Что-то подтолкнуло его на это. Приехал он в его стан вместе с Бурбой.

Князь Дмитрий был на коне, метался по стану, стараясь удержать казаков, которые покидали его, уходили вместе с Заруцким. Увидев же его, он подскакал к нему.

– Иван, ты что дуришь! Ты же уводишь чуть не половину моего войска! – гарцуя на коне, с запальчивостью набросился он на него.

По его шлему, латам хлестал мелкий дождик. Сыро и зло было кругом.

– С кем Москву-то очищать от поляков?

– А ты ещё хочешь очищать её?! – ехидно спросил Заруцкий его.

– Ходкевич на подходе! – чуть не застонал Трубецкой, видя развал войска тут, под Москвой.

Он считал себя здесь первым. Его правительство признала «вся земля». Вон и грамоты идут со всех сторон на его имя как государя «всей земли». И вот теперь это – уход Заруцкого... Он ужаснулся, когда увидел полупустым свой табор. Многие из его казаков тоже увязались за Заруцким.

– Не горюй, князь! Обойдётся! Вон к тебе идёт Пожарский! Вместе справитесь с поляком! – насмешливо посоветовал Заруцкий ему.

В конце этой злой перепалки, вот-вот готовый перейти в ссору, у него появилась жалость к Трубецкому. Сколько он с ним уже? Да уже пятый год! Что только не перетерпели вместе!.. И сейчас он глядел на Трубецкого с каким-то необычным для него тёплым чувством. Тот стал ему так же близок, как Бурба. И он под странным для него самого порывом подвернул к нему коня, подъехал и дружески похлопал его по плечу.

– Мне жаль с тобой расставаться, князь Дмитрий! Жаль! Поверь! Но что поделаешь! Нет мне тут больше места!.. Нет!

Мокрые усы у Трубецкого печально обвисли. И он стал похож на одинокого старого пса, брошенного на дворе, покинутом людьми.

На мгновение у Заруцкого мелькнула было мысль предложить ему уйти вместе, всеми таборами. Но потом он отказался от этого, зная князя Дмитрия, его неспособность на какой-либо решительный шаг. Да и что потом с ним делать? Таскать за собой и ждать, когда он качнется обратно к боярам? А те непременно станут уговаривать его перейти на их сторону... А его-то, Заруцкого, никто уговаривать не будет. Чужой он для них, чужим был, таким и остался.

«А шут с ним!» – развеселился он, с чего-то залихватски, по-мальчишески, выкрикнул: «Ы-ыхх!» – надал коню по бокам и пустил его вскачь по вытоптанному табору, сиротливо выглядевшему без шатров и палаток.

Жизнь впереди была с опасностями, но и нова. Вот это было по нему. За ним пустил вскачь коня и Бурба. Ветер издали донёс до них крик Трубецкого, но они уже не расслышали, что тот кричал.

* * *

Они ушли из подмосковных таборов этой ночью, как и было решено. Он увёл за собой почти половину казаков. Основное его войско двинулось прямой дорогой на Михайлов. Он же с Бурбой и сотней казаков направили коней на Коломенскую дорогу. Они пошли правым низменным берегом Москвы-реки, поросшим кустами и лесом.

– Тук-тук-тук!.. – прошёлся стукоток по берегам Москвы-реки...

Затем они пересекли Северку, её топкие берега, уже перед самой Коломной.

А вон и Коломна, крепость...

«Пожалуй, высотой саженой восемь», – мелькнуло у Заруцкого. Сейчас он невольно прикидывал её достоинства как крепости. Выдержит ли осаду...

Высокие каменные стены, с зубцами, даже издали смотрелись внушительно. А уж тем более вблизи. Взять такую крепость, в две версты в окружности, с четырнадцатью башнями, и каменной стеной пяти аршин толщиной, было не так-то просто.

Да он и не стал бы брать её. Её бы сдали ему сами защитники.

«Умно!» – одобрительно отметил он, что строители заложили всего трое ворот: Спасские, Ивановские и ещё Косые... «Почему Косые-то?» – подумал он ещё тогда, когда был здесь впервые. С тех пор он так и не ответил на этот вопрос... «Да, государевы люди строили на совесть!» – заскребла его зависть к государевой власти на Руси.

В Коломне их никто не ждал. Они нагрянули внезапно.

– Что, что случилось-то?! – воскликнула Марина, неожиданно увидев его, поднимающегося по лестнице к ней на второй ярус хоромины, что стояла на воеводском дворе.

В глазах у неё был испуг. И от этого, и обычной её бледности, она в этот момент была хороша.

– Потом, – подойдя к ней и слегка поклонившись, тихо сказал он, зная, что за ними сейчас наблюдают десятки глаз, хотя бы тех же казаков и дворовых царицы, и уже громко обратился к ней:

– Государыня, у меня дело к тебе! Важное! Не изволишь ли выслушать твоего холопа, Ивашку!

И он снова поклонился ей.

Тут же появилась пани Барбара, со своим всегда соболезнующим выражением на лице, когда что-нибудь затрагивало царицу.

Марина пригласила его в хоромы. И он вошёл туда вслед за ней и Казановской.

Здесь всем распорядилась пани Барбара. И первым делом она велела дворовым девкам накрыть стол для царицы и её гостя. Дворовые девки, исполнив всё, покинули палату.

Марина кивнула головой Казановской, и та тоже вышла вслед за комнатными девками.

Изредка бросая незначачие замечания в ответ на вопросы Марины, Заруцкий поел.

Опять появилась пани Барбара, позвала комнатных девок, велела им убрать стол. Когда те вышли, вышла из палаты и она. Вскоре она вернулась с кормилицей. Та принесла Марине младенца. Марина взяла его, но уж очень неумело. Это сразу бросалось в глаза. Видимо, она редко брала на руки сына. И сейчас, приняв его из рук кормилицы, она подошла с ним к Заруцкому, чтобы показать ему.

Заруцкий по своей жизни вообще не замечал такого народа, как младенцы. Для него они попросту не существовали. Вот и сейчас он равнодушно взглянул на это существо, неизвестно для чего-то появившееся на свет и ещё издающее какие-то звуки... Взглянув на него всё так же равнодушно, он заметил, что тому что-то досталось от Марины. Хотя в основном здорово походил на своего убитого отца.

«И таким же будет! – с чего-то подумал он. – И что с ним делать?.. Пока он мал. Время ещё есть», – мелькнуло у него, что надо бы всё это хорошенько взвесить.

Марину же слегка кольнула в груди ревность, когда она заметила, как равнодушно смотрит он на её сына. И она, смутившись от этого его равнодушия, как ей показалось, и к ней самой, велела кормилице унести сына. Вместе с кормилицей ушла и Казановская. И они остались вдвоем.

Он молча прошёлся несколько раз по просторной палате, затем стал рассказывать ей, как всё было под Москвой за последнее время. Разумеется, он рассказал ей только то, что ей надо было знать.

– Мы завтра уходим отсюда, – сказал он в конце своего рассказа.

– И куда же? – спросила она его со скрытой тревогой в голосе.

Она уже вроде бы привыкла к резким переменам в жизни, постоянному метанию по разным городам, и всё вдали от Москвы. Но всё равно каждый раз ей было тревожно покидать то временное место, на котором она только-только обжилась было, устроилась. И тут же снова надо было устремляться куда-то в неизвестность. Привыкнуть к такой дерганой кочевой жизни, какой жил Заруцкий, она так и не смогла.

– На Рязань! В гости к Ляпуновым! – саркастически ответил он, зная, что она тоже не любит Ляпуновых. – Прошки-то нет, но там сейчас его брат, Захарий, такой же!

– А почему не в Путивль? – спросила она. – Его величество всё ещё надеется, что я опять стану его подданной... Почему бы не уйти нам вместе туда, а?

Он посмотрел на неё. Этого предложения он ждал уже давно, и уже давно всё решил для себя. Та жизнь, какой жила она, хотя бы с тем же Димитрием, была не по нему. Крым когда-то давным-давно сделал ему прививку против такой жизни. Он стал, и глубоко по натуре, бродягой. И не только из-за казачества, товарищества по «кругу», в чём он всегда чувствовал фальшь, и не верил в «круг»... В то же время он чувствовал себя сейчас подвешенным, без опоры, не знал, что делать дальше. И от этого нервничал необычно для него.

– Мы пойдём в другое место, – тихо, но жёстко сказал он так, когда не хотел никому раскрывать своих планов.

Она уже знала эту его черту и промолчала, положившись на него.

* * *

Наутро Бурба с казаками осмотрел на воеводском дворе стоявшие там колымаги. Они были старыми, ветхими. С трудом подыскав пару более крепких для дальней дороги, они запрягли в них лошадей и подкатали к крыльцу хоромины.

Марину и кормилицу с ребёнком усадили в одну колымагу. Туда же залезла и пани Барбара. Дамы Марины устроились в другой колымаге, а дворовых девок разместили на телегах.

– Пошли, трогай! – подал команду Заруцкий.

Впереди двинулась полусотня казаков, с Бурбой во главе. Затем пошли телеги с царским барахлом. И только за ними выкатились за ворота воеводского двора колымаги.

Заруцкий поехал рядом с первой колымагой, поглядывая, всё ли в ней в порядке, удобно ли разместилась Марина. Проехав некоторое время рядом с той стороны, где сидела она, он слегка поклонился ей, сказал:

– Государыня, меня ждут дела! – И направил коня вперёд, куда уже ушёл с казаками Бурба.

Он догнал Бурбу, поехал рядом с ним во главе дозора. Рассеянно поглядывая вперёд, он стал раздумывать о последних событиях, о Марине и вообще о том, что же ему делать дальше. Порвав сейчас с Трубецким под Москвой, он понимал, что дороги назад теперь нет.

Путь до Михайлова оказался утомительным по ухабистой грязной дороге, которую развезло от поливающего несколько дней дождя.

– Ну, слава богу, перестал, – проворчал Бурба, когда выглянуло солнце.

Но грязь так и не успела высохнуть. Они только-только выехали из Коломны. И их колонна еле ползла из-за тяжелых и неуклюжих колымаг. Тащились они медленно, ужасно медленно, вот-вот, казалось, опрокинутся. И все окажутся в грязи... А в колымагах охи, ахи, вскрики!.. Вот дернула четвёрка, пара в паре, крутых тяжеловесов-битюгов, и выхватила колымагу из грязи... За ней пошла другая...

Больше в этот день приключений у них не было.

К Михайлову они подошли уже поздно вечером. Михайлов – городишко небольшой. И крепость тоже есть, стоит над речкой Проней, на правом берегу её, изрезанном глубокими оврагами. Да нет же! Тут одна лишь крепость, и рвом обнесена. В окружности будет сажень триста. Посада нет ещё. Здесь жили лишь одни стрельцы и пушкари для обороны с этой стороны рубежей от степняков.

Возки и колымаги вошли в крепость, за высокие кирпичные стены. Крепостной двор оказался обширным. На нём стояли обычные строения: зелёный погреб, воеводская изба, церквушка, уже ветхая, а возле неё – тюремная каморка, как раз напротив приказной избы и воеводской. Вот там-то, подле воеводских хором, остановились колымаги и телеги с царским барахлом.

– Живей, живее! – стал подгонять дворовых холопов Звенигородский.

Он, князь Семён, после убийства Димитрия не решился на разрыв с двором Марины. Так и таскается до сих пор за ним.

Стали разгружать вещи царицы. В воеводскую избу понесли вьюки, какие-то сундуки, затем пошли короба. Всё это поднимали на второй ярус хоромины, где уже были отведены комнаты для царицы. Все суетились, уже в темноте. И всё тащили и тащили куда-то в дом. И там всё это исчезало, как будто хоромина, её пустое нутро, заглатывала всё.

* * *

Встав утром и приведя себя в порядок после завтрака, Марина осмотрела свои новые хоромы.

Воеводский двор, точнее, сама хоромина, была срублена из многих теремов, соединяющихся между собой переходами, крытыми для защиты от дождя и снега.

Так, бесцельно бродившую, как казалось со стороны, её и встретил Заруцкий. Он направился к ней, чтобы сообщить ей, что он завтра же собирается разослать по всем рязанским городам воззвание от её имени и имени царевича Ивана Дмитриевича. В нём, в воззвании, он будет требовать признать её власть и выслать на подмогу ей казну, собрав её с кабацких и иных государевых откупов. Он понимал, что нельзя терять время сейчас, когда ещё мало кто знает о последних событиях под Москвой. И дело признания царевичем сына Марины пройдёт успешно и широко.

– Государыня, – начал он, когда сел за стол вместе с ней в большой воеводской палате. – До зимы нужно взять целовальные грамоты со всех городов здесь, на Рязани. Там, в Рязани-то, воеводой Михаил Бутурлин... А ведь он когда-то целовал крест тебе, на верность! Вот возьмём Рязань, тогда и вся волость будет наша. Сначала сходим до Пронска, затем двинемся на Ряжск. Повоюем их, если не признают тебя. Тогда и до Почерников недалеко...

Он встал из-за стола и прошёл до двери, выглянул в коридор, позвал казака, стоявшего там:

– Сбегай за Петькой Евдокимовым!

Вскоре пришёл дьяк и сел за маленький столик, в стороне от Марины и Заруцкого. Он вынул из сумки, висевшей на ремне, чернильницу, поставил её на столик, тут же расположил песочницу. Достав из сумки гусиное перо, он попробовал его острие пальцем, остался, видимо, недоволен, так как слегка скривил губы в усмешке. Оттуда же, из сумки, он достал ножичек, подточил аккуратно кончик пера, попробовал его ещё раз пальцем, положил его подле чернильницы, достал из сумки бумагу. Только после этого он посмотрел на Заруцкого, готовый слушать его.

Петька Евдокимов был молод, дьяком служил прилежно и на этой работе быстро зачах, стал раньше времени стареть. Пухлые мешки под глазами выдавали, что он пьёт или мучится чем-то ещё.

– Пиши, Петька, указ государыни – царицы Марины и великого князя Ивана Дмитриевича! – распорядился Заруцкий. – Ну, сам знаешь как начинать!.. Пиши о том, чтобы слали в Михайлов казну, собрав с кабацких и иных государевых откупов!.. И тоже знаешь, с чего там ещё берут деньгами и разными товарами!..

Дьяк осовело поглядел на него, о чём-то, видимо, размышляя и настраиваясь писать привычным слогом. Затем, почесав о лысую макушку кончиком пера, словно затачивал его ещё тоньше, он обмакнул его в чернильницу и, медленно выводя букву за буквой, стал писать... Запело тоненьким скрипом перо о жесткую бумагу. Дьяк набирал скоропись постепенно, как расчётливый конь при выходе на длинную пробежку экономит силы, не срывается сразу в изнурительный галоп. Вскоре он писал уже своей обычной скорописью, какой славился в полках под Москвой, без ошибок, пропусков, чётко и красиво укладывая стремительно рядами букву за буквой так, что Заруцкий, зная уже его манеру, едва успевал говорить за ним. Вот за эту-то скоропись Петька Евдокимов, два года назад служивший прописным подьячим Новгородской чети, а сейчас дьяк Разрядного приказа у него, у Заруцкого, был нарасхват у безграмотных воевод и атаманов.

Вскоре грамота была готова, без помарки, и не надо было ничего переписывать с неё набело.

– Всё, Петька! – сказал Заруцкий так, будто это он, а не дяк только что корпел над писаниной под его диктовку. Для него эти занятия с грамотами были тяжким испытанием, от которого он уставал даже сильнее, чем тот же дяк.

Эту-то грамоту, когда её размножили подьячие, и разослали по городам здесь, на Рязанщине.

Через месяц, к концу августа, города Пронск, Ряжск и Почерники целовали крест царевичу Ивану Дмитриевичу и царице Марине. Признать-то признали. Это ничего не стоило ни городам, ни воеводам в них. А вот когда дело дошло до казны, тут всё пошло в обычную протяжку. Собрать хотя бы маломальскую казну так и не удалось.

Заруцкий обозлился.

– Давай, Антип, опять в полюдь! – зазвенел его голос в воеводской палате, в которой он устроился вместе с Бурбой. – Драть с них надо! Сами не дадут!.. Но, Антип, города не трогать, что признали царевича!.. Пока не трогать! Хм! – зло усмехнулся он.

– И куда же идти-то? – озадаченный его отношением к признавшим их, спросил Бурба, хотя и знал Заруцкого хорошо. Он замялся, но всё же сказал: – Не трогал бы ты посадских-то, вообще...

– А чем кормить казаков?! Шесть тысяч ртов! Скажи на милость! Святоша!..

Бурба нахмурился, смолчал.

Войску нужно было пропитание. И не грабить они не могли. Понимал он также, что они сами же восстанавливают против себя города.

Казаки стали роптать, не получая ничего из обещанного им перед уходом из подмосковных таборов. Для содержания такого войска, с каким Заруцкий ушёл из-под Москвы, нужны были большие средства. И он решил действовать, расширять и подчинять себе города для сбора с них разных припасов.

Глава 4

Освобождение Москвы

В Ярославле получили известие от Дмитриева, что тот пришёл двадцать четвёртого июля, на день памяти Бориса и Глеба, под Москву, встал укреплённым лагерем у Петровских ворот. На пути к Москве был уже и Лопата-Пожарский с семью сотнями смоленских конных боярских детей. От него князь Дмитрий получал почти ежедневные донесения, что он движется без задержек.

Теперь подошло время основных сил ополчения. Не стали ждать, когда под Москву придёт Лопата-Пожарский. Торопило время: на подходе к Москве были полки Ходкевича. И двадцать восьмого июля, на день Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии», они выступили из Ярославля по направлению к Москве.

Пройдя со всем войском с десятков вёрст от Ярославля, князь Дмитрий подозвал к себе Хованского и Минина.

– Иван Андреевич и ты, Кузьма, ведите полки до Ростова! – приказал он им. – Там встретимся! А я в Суздаль!

Он попрощался с ними, пришпорил коня и поскакал со своими боевыми холопами в голову войска. Вот мелькнули последние из его людей, скрылись из виду. И на лесной тенистой дороге, сырой после недавнего дождя, стало вроде бы не по-летнему свежо.

Проводив взглядом князя Дмитрия, Кузьма невольно вздохнул. За последнее время он привык к Пожарскому. И сейчас без него сразу стало пусто и, если откровенно признаться, скучно. Да, тот поехал, как уже давно собирался: поклониться могилам своих родителей...

– Надо помянуть родителей, – сказал как-то ему князь Дмитрий. – Перед большим делом...

И он тогда согласился с ним. Он понял, что Пожарскому сейчас нужна была духовная опора.

Хованский, уловив его настроение, чтобы отвлечь его от меланхолических дум, занять чем-нибудь, попросил его:

– Кузьма, проведай, как там у обозников! А я в полк к пушкарям!

– Хорошо, – отозвался Кузьма, благодарный ему за поддержку сейчас, когда рядом не стало Пожарского.

Они разъехались.

По узкой лесной дороге огромное войско двигалось медленно. Шли верховые сотни детей боярских, тащили конной тягой пушки, везли корма в обозе, а далее шли пешие стрелки. В самом же конце колонны, замыкая её с тыла, гарцевали казаки. И всё это скопище людей растянулось на много вёрст. И так оно двигалось, двигалось и только в Ростове, третьим лагерем, остановилось. Там был дан войску отдых на несколько дней.

Здесь их догнал Пожарский. Он справился о войсковых делах, походил по лагерю, посмотрел, как устроились полки. Затем он с чего-то предложил Кузьме:

– Поедем к Иринарху!

Выглядел он вроде бы как обычно. Но под его сдержанностью угадывалось необычное волнение.

Кузьма понял по его виду, что то, что он предлагает, надо. И они поехали туда, в Устьинский Борисо-Глебский монастырь.

Минуло два года как туда приезжал Ян Сапега.

Всё тот же монастырь, всё та же речка, окрестности. За сотни лет здесь мало что меняется. За два года жизнь в этом глухом краю не просыпалась даже.

Князь Дмитрий и Кузьма остановились перед воротами обители и спешились. Спешились и конники из их охраны.

Пожарский и Минин прошли внутрь обители. Там их встретил всё тот же игумен, что встречал здесь два года назад Сапегу. За два года он, в отличие от монастыря и жизни всей в округе, изменился очень сильно: он похудел, осунулся. Тоска в постах заела, не по нему они. Жизнь из его тела уходила. Он рад гостям уже не был. И их он только проводил до кельи Иринарха.

Князь Дмитрий и Кузьма переступили порог кельи, вступили в ужину¹⁶, где старец истину свою искал.

В цепях их встретил Иринарх, как всех встречал гостей, зевак и просто посетителей. Поднялся он навстречу им... Железо в келье, приветствуя гостей, вдруг непонятно как-то зазвенело...

– Доброго здравия, отче! – поздоровались они со старцем.

– И вам, сыны мои! – в ответ услышали они под звяк цепей.

Иринарх, в отличие от игумена, всё тем же был, стоял, смотрел на них, и строго, чего-то ждал.

– Спасибо, отче, за просвиру, что ты прислал мне, – начал князь Дмитрий. – Сейчас идём мы на Москву. На дело «всей земли» поднялись... И мы пришли к тебе, отче, за благословением...

Он остановился, не слыша звяка цепей, как будто те, внимая ему, на время замолчали.

– На праведное дело ты, князь, поднялся, – заполняя эту пустоту, заговорил глухим и сильным слогом старец. – Народ позвал тебя к нему. Поэтому будь стоек...

И снова цепи звякнули, под шорох шагов старца. И что-то в темноте легонько затрещало. Всё в этой келье собралось, переплелось и в узел завязалось: страдание и сила, боль, тоска и одиночество. Вот-вот, казалось, взорвётся эта смесь, и что-то грянет, и что-то обнажится. Всё сразу рухнет... Но нет – не рушился мир окружающий! На чём-то он ином держался...

Шаркающей походкой, как видно, дряхлость и его взяла, старец подошёл к грубо сколоченному столу.

– Вот этот крест, поклонный, – показал он на крест, что лежал на столе так, будто его специально приготовили к этому визиту гостей. – Послал я князю Михаилу Скопину-Шуйскому. Благословлял его, на ратный подвиг... Теперь передаю его тебе по праву!

Он взял крест, трижды перекрестил им гостей, затем вручил его Пожарскому. Князь Дмитрий принял его, поцеловал, передал Кузьме.

– Иди на дело «всей земли», князь, и не имей сомнения! – продолжил дальше старец. – Освободи народ от иноземцев! Он, сирота, задавлен тяжкой ношей... Как и я, простой крестьянский сын его...

Он замолчал, перевёл взгляд на Минина:

– А ты, Кузьма, посадский человек, подставь плечо воителю. Неси свой крест. Потом уж отдохнёшь. Когда раздор утихнет в родном краю!

Старец снова замолчал, отошёл от них.

Кузьма, желая сделать ему приятное, спросил его, не нужно ли ему что-нибудь, приходят ли к нему люди за поддержкой. И бывают ли здесь поляки.

– Да, паны приходят. Участи своей пытаются, – коротко ответил старец, не давая себе даже труда называть тех.

Князь Дмитрий и Кузьма поняли по короткой реплике старца, что пора и честь знать. Они простились с ним и уехали из монастыря.

---

¹⁶ Ужина, от «узы» – всё, что привязывает или связывает нравственно, что привлекает и держит или ограничивает, стесняет.

* * *

От Ростова до Переславля войско прошло скорым маршем за три дня. И здесь, в Переславле, они снова остановились на один день на отдых.

Переславль город небольшой, всего сотня дворов. Посад, рыбацкая слободка на берегу озера Плещеева. И там же видна была ещё одна слободка на речке Трубежа.

В разгаре было лето. Жара стояла. Палатки вытянулись рядами чётко в лагере, на берегу Большой Нерли.

Всем отдыхать. Таков приказ ушёл по всем полкам.

И князь Дмитрий, отдав этот приказ, решил тоже встряхнуться. Вместе с Кузьмой он пошёл на озеро. Потянуло искупаться. За ними поплёлся Фёдор с охранниками, как всегда, не отставая от князя Дмитрия ни на минуту. После покушения на Пожарского в Ярославле он не оставлял его одного ни на минуту. В этом ему в помощь были два боевых холопа: Николка и Савватий. Кузьма же, со своей стороны, выделил на охрану князя Дмитрия деньги. И по решению совета ополчения теперь Пожарского всюду сопровождал десяток жильцов, из ярославских и нижегородских служилых.

– Надо, князь, надо! – сказал ему как-то Кузьма. – Нельзя допустить порухи начатому делу! На тебе оно держится! Не видим мы иного на твоём месте! Нет его!..

Князь Дмитрий, смущённый его откровенностью, вздохнул.

Вода в озере оказалась прозрачной, не холодной, но и не тёплой. Как раз была такая, чтобы можно было освежиться.

Князь Дмитрий и Кузьма искупались и пошли обратно в лагерь. За ними двинулся Фёдор с телохранителями.

Они вернулись в лагерь. Кузьма пошёл к себе, в свой полк, в свою палатку.

Князь Дмитрий, вернувшись к себе в шатёр освежённым, всё же чувствовал усталость. От многодневных трудов и расслабленности после купания его потянуло в сон. Он прилёг на топчан, чтобы отдохнуть.

Светило ярко солнце. В лагере было жарко. И все сидели по палаткам, дожидаясь вечерней прохлады.

Князь Дмитрий задремал. Но даже сквозь дремоту в сознание прорывались, не отпускали заботы о войске и о том, что нужно было делать дальше. Сейчас, в Ярославле, на совете «всей земли» так и не договорились об избрании государя. И это мучило его. Он не мог смотреть на то, что без государя может погибнуть дело «всей земли».

Вот мелькнула ещё какая-то мысль в усталом сознании, он попытался вспомнить что-то уже сказанное кем-то вот про это избрание царя... Но волны слабости, качая, мешали на чём-нибудь сосредоточиться...

Он стал думать об этом. И получалось так, что если исходить из блага государства вот в это время разрухи, то, пожалуй, страна успокоится только с государским сыном... И его, государского сына, как ни крути, придётся брать из Швеции или из той же Австрии. Там, в Австрии, есть принц, кажется, Максимилиан... А император-то заинтересован посадить его в Москве. Так он обезопасит себя от Посполитой, от Сигизмунда.

«Сейчас надо, надо прислониться к сильному, переждать... Но их-то, сильных, можно пересчитать на пальцах: Австрия, Швеция, Посполитая... Ну, с последней-то всё ясно... Ах! Ещё Турция! Да с турками-то кто пойдёт на союз! Тогда всех европейских королей получишь врагами! И Рим!.. Не-ет, сейчас только Швеция, тот же принц Карл Филипп. На этом стоять надо!.. Вон послал же в прошлом году шведский король Карл IX ответ на письмо игумена Соловецкого монастыря!.. Как там, – стал он вспоминать содержание письма короля игумену: «Если ты, игумен Антоний, или кто вместо тебя со мною братьёю из освященного собора

в Суме и Соловках, хотите держаться своего собственного правительства и избрать великим князем одного из своих природных бояр, тогда Наше величество поможет и вам и всему русскому государству против врагов великим войском Нашего величества, которое теперь расположено на границе, и будет сохранять дружбу с вами. Но если Наше величество заметит, что ты, игумен Антоний, или кто вместо тебя со многой своей братьей из освященного собора в Суме и Соловках не хотите держаться своих природных бояр, а хотите выбрать кого-нибудь иного великим князем, кого-нибудь из поляков и литовцев либо из татар, тогда Наше величество будет вашим врагом»...

– Сильно сказано! – тихо пробормотал он вслух. – И почему только государский сын? А может, Ляпунов прав? И на царстве может сидеть тот, кого выберет народ... А значит, не только из великих родов боярских.

«Но и вот из таких, как князя Стародубские!» – пришла к нему смущающая его мысль. В этом, в этой мысли, опять была незаконченность. Он чувствовал это, с этим и заснул.

* * *

К Троице-Сергиеву монастырю Пожарский подошёл с главными силами ополчения в понедельник, семнадцатого августа, на другой день после Третьего Спаса. Полки расположились в палатках и шатрах лагерем, одернули его рогатками.

– Стоим! Полкам отдыхать! – распорядился князь Дмитрий по войску.

Шатёр ему поставили просторный: для встреч, советов с воеводами. И в этот же первый день у него собрались все, кто был сейчас в совете: Афанасий Гагарин, Василий Туренин, Иван Хованский, известные всем воеводы, дьяки приказов.

Прошёл совет. На нём решено было: задержаться здесь, под Троицей, собрать сначала сведения о том, что творится там, под Москвой.

Князь Дмитрий распустил воевод. Но те, всё ещё разгорячённые спорами о том, что предпринять дальше, не спешили покидать его шатёр.

– Поедем в монастырь, а? – предложил он Кузьме.

Тот, задержавшись тоже после совета, посмотрел на него: не шутит ли.

– Опять к монахам... – заворчал он, поняв, что это серьёзно.

Князь Дмитрий усмехнулся на эту нелюбовь Кузьмы к монастырским.

В этот момент поручик доложил, что из обители приехал келарь Авраамий.

– Ну, вот и ехать не надо, – пробормотал Кузьма. – Я пойду, пожалуй, а? – спросил он Пожарского.

– Да нет уж! Остайся! – рассмеялся князь Дмитрий.

Авраамия впустили в шатёр. Он вошёл, поздоровался. Все находившиеся в шатре встретили его приветливо.

– Отец Авраамий, мы прочитали твои поучения, – начал князь Дмитрий. – И вот мы здесь, – слукавил он: что это, мол, их, троицких властей, заслуга.

Но поговорить с келарем им не дали. В шатёр заглянул стремянной князя Дмитрия. Увидев келаря и князей, о чём-то беседующих, он подался назад, хотел было скрыться. Но князь Дмитрий остановил его жестом: мол, давай, что у тебя там. Фёдор не решился бы вот так прямо вломиться сюда при многих воеводах. Значит, случилось что-то важное.

– Дмитрий Михайлович, тут посланцы! Из-под Москвы! От Трубецкого! – доложил он.

Пожарский извинился перед келарем.

– Отец Авраамий, дело не терпит! – сказал он. – Мы примем их сейчас же! Послушай и ты, что принесли гонцы!.. Впусти! – велел он стремянному.

Фёдор вышел из шатра. Обрато он вернулся с тремя дворянами. Вместе с ними вошли два телохранителя князя Дмитрия. Те, что вошли, были, судя по одежде, мелкие дворяне.

– Семён Завидов с товарищами! – представился старший из них, высокий ростом, с прямыми жесткими русыми волосами.

– Что привело вас сюда? – спросил князь Дмитрий его.

– Мы посланы от войска Трубецкого! Чтобы знал ты, князь Дмитрий: на подходе к Москве гетман Ходкевич. Идёт с гайдуками. Везут обозом корма Гонсевскому! Гайдуки с пушками!..

Об этом в войске Пожарского знали. Но всё равно гонцов поблагодарили за известие и отпустили.

– Пройдёт Ходкевич за стены – плохо будет! – загорячился Хованский, когда гонцов увели.

– Договориться надо бы сначала с Трубецким, – заметил Туренин. – Скрепить грамотой отношения!

– А что скреплять-то?! – воскликнул Кузьма.

– Как строить государство, – начал объяснять им Авраамий. – Без этого опять выйдет разуха! Пора одуматься, князья, пора! – уколос он нравоучительным тоном их, князей и воевод.

В этот вечер ему, князю Дмитрию, пришлось встретиться ещё с одним человеком. Его он не ожидал увидеть здесь и был удивлён, когда тот вошёл к нему в шатёр.

– Иван! Ты-то как здесь?! – вырвалось у него, когда перед ним предстал Иван Хворостинин.

Он уставился на него, рассматривая. И в первый момент его поразило, как тот вылинял, с тех пор как он видел его последний раз. Да, у Ваньки Хворостинина, князя, юнца, поэта, просто наглеца, в глазах залегла тоска безмерная: такая, что посещает немногих в мире этом.

«А каким он был при первом Димитрии, самозванце!» – почему-то вспомнил Пожарский былое.

Поблекшим голосом, когда-то желчным и резким, Хворостинин стал рассказывать о своих скитаниях последних лет. А он слушал его, сочувствовал. Затем он спросил его, что привело его сюда, в лагерь, под Троицу.

– Ты же пришёл освобождать Москву, – сказал Иван так, как будто иного и не могло быть. – И я хочу войти в неё с тобой!

Хворостинин помолчал, вздохнул как-то странно, что было не похоже на него.

– Я хочу поклониться могиле Гермогена, – ответил он на его молчаливый вопрос.

Князь Дмитрий понял его.

– Хорошо. Пойдёшь с нами, – сказал он ему.

Затем он спросил его о том, о чём не думал ещё минуту назад. Но вот сейчас, когда Хворостинин напомнил ему Гермогена, он вспомнил патриарха Игнатия.

– А где тот-то, патриарх Игнатий? – спросил он о ставленнике самозванца, Отрепьева Юшки.

Патриарха Игнатия после убийства Отрепьева свели с патриаршего престола, заключили в Чудов монастырь опальным монахом. И Василий Шуйский поставил патриархом казанского митрополита Гермогена. Когда поляки заняли Кремль, то бояре, тот же Мстиславский, не в силах терпеть эту патриаршую занозу, Гермогена, выступившего против присяги королевичу, заточили в темницу... И тут же опять выскочил в патриархи, как чёрт из табакерки, тот же Игнатий...

– Его поляки недавно вывезли в Польшу, – сообщил Иван.

Он не стал сообщать, что тот, Игнатий, на самом-то деле бежал из Москвы.

Гермоген же, как было уже известно в ополчении, умер два месяца назад в темнице.

Попрощавшись, Хворостинин ушёл.

* * *

Наутро, до восхода солнца, войско разбудила побудка рожков.
По-быстрому к котлам. Пришла заря. И солнце встало, полкам ударило лучами в спину: туда, на запад, к столице погнало конные полки.

А вот и Яуза. Крутые, подмытые дождями и паводками берега.

И там, у Яузы, где заканчивалось поле и начинался лес, Пожарский увидел ряды всадников. Их было много. И были все они настороже. Хотя не видно было с их стороны угрозы.

Да, навстречу их войску выехал Дмитрий Трубецкой в окружении казачьих атаманов.

Пропели, перекликаясь, рожки с обеих сторон.

– Доброго здравия, Дмитрий Тимофеевич! – поднял руку в знак приветствия Пожарский, подъезжая к Трубецкому.

Они съехались, поздоровались за руку.

Трубецкой с искренним чувством пожал руку и Минину, даже стремянному Фёдору. Тот всегда был рядом с Пожарским.

– Дмитрий Михайлович, мы предлагаем тебе стать твоим полкам в нашем лагере. Так решила войсковая старшина, – перешёл к делу Трубецкой, после того как они обменялись приветствиями.

Позади него на аргамаках сидели его боевые холопы. И там же кучкой держались атаманы на справных скакунах, в папах, загорелые и грубые все лица.

Кое-кого из них, из атаманов, Пожарский уже видел когда-то. Так ему показалось. Два-три знакомых лица.

– Дмитрий Тимофеевич, благодарю за это предложение! Но войсковой совет решил, чтобы наши полки становились своими острожками. И я не могу нарушить этот приказ!

– В твоей воле, Дмитрий Михайлович, убедить совет в обратном! – парировал Трубецкой.

Он понял, что ополченцы из Нижнего не доверяют ему, его атаманам и казакам.

– Не время собирать совет! – ответил Пожарский.

Трубецкой не стал больше ни о чём говорить. Сказав несколько незначащих фраз, он распрощался с ним.

И Пожарский понял, что Трубецкой обиделся, и обиделся сильно.

Пожарский был тоже недоволен собой, переговорами, вот этой встречей с Трубецким. Тронув коня, он поехал шагом впереди своих людей туда же, куда ускакал со своими атаманами Трубецкой.

Сейчас все пути вели к Москве.

– Дмитрий Михайлович... – начал было Кузьма.

– Что?! – резко спросил князь Дмитрий его.

– Да так... Ты же сам всё понимаешь. Надо становиться подальше от загона, в котором завелась «ветрянка». Она скот положит весь: и тот, что здоровый тоже, – стал он рассуждать вслух сам с собой...

– Сделали! Всё! Идём дальше! – решительно подвёл князь Дмитрий итог этой встречи.

Пожарский, мельком бросив взгляд на идущих мимо всадников, заметил статного боярского сына... «Тухачевский!» – вспомнил он его фамилию.

Тот сразу бросился в глаза.

– Аа-а, смольнянин! – заулыбался он, узнав его. Ему нужна была сейчас вот такая разрядка, разговор с простыми ратниками. Так отойти сердцем от разговора с Трубецким. – Ну как служба?!

– Да ничего, князь! – смело поглядел на него Яков, заметив на его лице напряжённое выражение.

Он издали, как и многие ратники, едущие с ним вместе, видел эту встречу. Узнал он и знакомую фигуру Трубецкого. Он помнил его ещё по Москве, когда служил там при Шуйском. И он понял, по багровым пятнам на лице Пожарского, что сейчас здесь произошло какое-то столкновение... «Поцапались!» – решил он.

– Ну, тогда служи отечеству! – заключил Пожарский. – К Москве подходим! Там жарко будет! Я надеюсь на вас! – обратился он теперь ко всем смоленским сотням. – Освободим Москву, товарищи! С Богом! – крикнул он с необычным для него пафосом.

Тронув коня, он отвернул в сторону со всеми сопровождающими его людьми, давая дорогу ополченским сотням.

В этот день, подойдя к Москве, полки Пожарского встали отдельным лагерем напротив Арбатских ворот. Его обнесли рвом и земляным валом, и он принял вид неприступного укрепления.

Так Москва оказалась полностью в кольце ополченских лагерей Пожарского и Трубецкого.

На следующий день в лагерь Пожарского прискакали два конника и принесли известие, что гетман Ходкевич только что прошёл с войском Вязьму.

«До Вязьмы сорок вёрст!» – мелькнуло у князя Дмитрия, и гетмана следовало ожидать здесь, под Москвой, уже завтра.

И он тут же собрал войсковой совет. Послали предупредить об этой новости Левашова и князя Лопату-Пожарского. Послали гонца и к Трубецкому. Но Трубецкой, его атаманы уже знали эту новость. Дело с дозором у казаков было поставлено отменно.

* * *

Ходкевич подошёл со своими полками и огромным обозом и встал у Новодевичьего монастыря.

Так Пожарский, его ополченцы оказались на пути гетмана к стенам Москвы.

А на день Агафона-огуменника, 22 августа по русскому календарю, после восхода солнца в стане Ходкевича, за Москвой-рекой, заиграли рожки. Они пропели что-то на польский лад. Затем взревели трубы... И вдруг всё смолкло.

Князь Дмитрий поднялся на смотровую башню острога, чтобы видеть всё, что творится у неприятеля.

Вот из лагеря Ходкевича вышли сотни и двинулись по направлению к реке. Шли пешие, и налегке, как на параде... «Гайдуки!»...

Он понял, что гайдуки собираются переплавляться сюда, на их сторону, и спустился с башни. Тут, подле башни, собрались уже все его полковые воеводы: Гагарин, Хованский... Кузьма тоже стоял здесь же. Он натянул кольчугу, и сабля висела на боку, ему мешают, неприятно. На голове простая шапка из железа. И жёсткий волос лезет из-под неё и застилает ему глаза. Его он убирает, а он опять оттуда вылезает... Вспотел, хотя с утра прохладно было... Волнуется... Он, Кузьма, ещё не был ни в одном сражении...

А гайдуки уже на берегу реки. Откуда-то там лодки появились. И гайдуки переправляются... Вон там идут иные бродом. И эти броды им кто-то указал: всё из своих же, русских, предал...

Князь Дмитрий вывел против них две тысячи пеших ратников. И столкнулись они с гайдуками. Лязг железа, крики, брань, и заметались сабли там, и глухо копыта застучали...

В лагере же Трубецкого на брустверы, валы и башни высыпали казаки. Они кричат... Вверх полетели шапки, под едкие смешки:

– Богатенькие пришли!..

– Казаки, поляк же задавит их!

– Ничего, сами отстоятся!.. Ха-ха!..

Там смеялись, издевались над ополченцами Пожарского. А те уже стали изнемогать... И тут с другой стороны, со стороны города, в спину ополченцам Пожарского ударили конные боярские дети, выйдя из ворот Китай-города. Их послали против ополченцев бояре, Мстиславский тот же. И ряды ополченцев дрогнули...

Пожарский вызвал к себе Минина, полк которого стоял в резерве.

– Кузьма, надо выдержать! – приказал он ему. – Давай действуй!

Он обнял его на прощание. Кузьма сел на коня и уехал к своему полку. Там, спешившись, он вынул из ножен саблю, вскинул её вверх, призывая ратников за собой, и, прихрамывая, пошёл впереди своего полка с саблей наголо. За острогом, на втором валу, они столкнулись с гайдуками. Те, легко вооружённые, тоже с саблями, бежали навстречу ополченцам... Столкнулись... И пошло, пошло...

И в это время на правом крыле появились казачьи сотни. Много. И впереди атаманы...

Пожарский узнал их. Это были казаки Трубецкого... «А почему его самого-то нет?» – мелькнуло у него. И он стал вглядываться туда, в казачьи полки, уже вступившие в дело. Но там не видно было Трубецкого, его заметной фигуры в блестящих латах и, как всегда, на белом коне.

Гайдуки недолго держались против конных казаков и стали отходить. Потом они побежали. И ополченцы погнались за ними, и крики «Ура-а!» огласили окрестности.

Кузьма тоже побежал с ополченцами своего полка, прихрамывая и сжимая в руке уже ненужный клинок. Далеко впереди него всё поле, до самого обрыва к Москве-реке, было покрыто бегущими ополченцами... Мелькали там ещё казаки, верхом, а кто-то среди них шёл пешком... А вон там ополченцы обнимаются с казаками...

Гайдуки же, подбежав к береговой круче, горохом посыпались вниз, к воде, заметались на мелководье, стали искать броды... Но вот ударились вплавь, когда на них наскочили ополченцы... Плывут, барахтаются, тонут под тяжестью доспехов, бросают сабли и мушкеты.

По ним же стреляют из луков ополченцы и казаки... А вон там часть гайдуков, сбившись в кучу, отступают строгим порядком к воде, садятся в лодки, плывут на другой берег, иные же бредут известным бродом, держа высоко в руках оружие.

Победа!.. Это была полная победа. Гайдуки отступили, ушли к себе с уроном. Но часть гайдуков ополченцы захватили пленными.

– Отведи их в лагерь! – жёстко приказал Кузьма боярскому сыну, сотнику, набычившемуся на него. – Тебе говорят!

И было заметно, что сотник не хотел подчиняться ему.

– Что здесь происходит? – спросил Пожарский, подъехав к ним.

– Да вот! – показал Кузьма на сотника. – Он хочет вырубить их! – выругался он на сотника.

Но это не подействовало на того.

– Это пленные, Тухачевский! – жёстко сказал князь Дмитрий сотнику, узнав его.

Глаза сотника, налитые кровью, выдавали, что он был на грани срыва. Злоба поглотила всего его. Он и смоленские служилые, окружившие гайдуков, готовы были расправиться с теми. Но им мешал Кузьма.

– Князь, не трогай его! – выступил вперёд Михалка Бестужев. – У него в Смоленске поляки всех родных свели под корень! Лютый он на них!

– А-а! – протянул князь Дмитрий.

– Давай принимай тогда ты сотню! – велел он Бестужеву. – А за ним следи, чтобы не натворил беды!

Он окинул взглядом смоленских, взиравших на него. Оставшись чем-то доволен, он улыбнулся им искренне.

– Всё, товарищи! – обратился он к ним. – Идите в свой стан! С победой вас!
– Слава князю! – крикнул Михалка, придя в восторг от его простых, но тёплых слов.

Смоленские поддержали его:

– Слава!.. Слава!

Пожарский, не ожидавший такого, смущённо улыбнулся. Махнув рукой на прощание им, он уехал от них вместе с Мининым.

Они поехали к казакам Трубецкого, вдоль крепостной стены Земляного города. Точнее, того, что осталось от неё. Поглядывая на сгоревшие стены, князь Дмитрий сокрушённо качал головой. Его город, почернев, призраком взирал на него. Да, это был не город – призрак, мираж. Ещё дымилась головешки. Сочились хило струйки дыма. Вон там висит косая крыша, на двух столбах. Они обуглились и почернели. Со всех сторон несло гарью и смрадом от погоревшего скота, всей живности и барахла людского.

С казачьими атаманами они съехались на самой береговой круче.

– Князь, мы помогли тебе! – сказал Пожарскому атаман по прозвищу Седой, из мелких атаманов.

Князь Дмитрий запомнил его, приметной внешности, когда тот был в свите Трубецкого, встречавшей их на речке Яузе.

– Благодарю, товарищи, за помощь!.. Вас Трубецкой послал? – помолчав немного, спросил он атаманов.

Седой усмехнулся и отрицательно покачал головой:

– Нет! Теперь он задаст нам трёпку за эту вольность!

– Ты что-то не поладил с ним? – спросил другой атаман Пожарского. – Вот стал бы с нами, тогда бы не попал вот в эту переделку!

Князь Дмитрий промолчал. Он и не думал оправдываться или в чём-то убеждать этих атаманов. Он понимал, как крепко те держались казацкой вольницы и как обидчивы были, когда свою волю проявлял ещё кто-то помимо них.

– Передайте Трубецкому, что я благодарен вам за эту помощь! – попросил он атаманов.

Они разъехались. Князь Дмитрий и Кузьма вернулись к своим полкам.

Прошла ночь. Утром же стало известно, что Ходкевич обманул всё-таки их. Ночью гайдукам удалось обойти заставы казаков и ополченцев и пройти в Кремль. Шесть сотен гайдуков прошли со съестными припасами для осаждённых.

– Иван, выясни, где они прошли! – жёстко наказал князь Дмитрий Хованскому провести сыск. Он подозревал, что здесь не обошлось без измены.

К концу дня стало известно, что тот, кого они искали, был среди ополченцев. Но он уже бежал вместе с гайдуками за стены, в Кремль.

– Проверь по полкам поручные! Найди, кто за него ручался! И всех их ко мне! На суд! – загремел голосом князь Дмитрий, когда Хованский сообщил ему это. – Не дознаемся, не накажем – то же будет дальше!

* * *

Через день, рано утром, выйдя из лагеря, Ходкевич пошёл не туда, не на тех, не на их полки, полки Пожарского.

– Что значит пошёл не туда?! – забеспокоился Пожарский, когда ему донесли об этом. – А куда он должен идти! Ты это знаешь? Хм! – язвительно усмехнулся он, обращаясь к Гагарину.

– Ну-у, к Кремлю, – промямлил тот, доложив ему эту новость.

– Туда по-разному можно идти!

У князя Дмитрия засосало под ложечкой. Он никак не мог угадать, как будет действовать гетман. Уже который раз он попадал впросак... Гетман был непредсказуем...

«На что ты годен-то как полководец!» – раздражённо подумал он сам о себе.

– Дозоры, дозоры и ещё раз дозоры! – приказал он полковым воеводам. – Сообщать обо всех передвижках Ходкевича!.. А тебе, Иван Андреевич, – обратился он к Хованскому, – со своим полком ни на шаг не отставать от гетмана! Куда он – туда и ты! В стычку не ввязываться! Пока он не проявит себя!.. Это хитрый лис, очень хитрый!

Он знал, что Ходкевич слыл незаурядным полководцем.

Вскоре появилась и ясность о намерениях гетмана. Ещё не поднялось как следует солнце, не разгулялся день, а гетман уже проявил себя. Он переправился через Москву-реку и скорым маршем двинулся в сторону Калужских ворот. С той стороны позиции русских были укреплены слабо. И Пожарский, поняв опасность, послал один полк на Ордынский двор, в Замоскворечье. И гайдуки Ходкевича ударили по нему. Положение там, в Замоскворечье, стало складываться тревожное.

Когда Пожарскому донесли об этом, он велел найти келаря Авраамия. Тот пришёл вместе с его полками из-под Троицы и жил в его лагере.

– Отец Авраамий, – обратился князь Дмитрий к Палицыну, когда того привели к нему. – Помогай! Езжай к Трубецкому! Проси, умоляй казаков выступить! Поддержать наших за рекой! Христа ради, скажи!.. За веру православную, за гробы наших отцов и дедов! Ну, в общем, сам знаешь, как молить души людей! Поезжай!..

Авраамий уехал к Трубецкому. Тот стоял у Яузских ворот. Путь туда был неблизкий. Надо было обогнуть весь Кремль и Китай-город. Время же торопило. Сам же князь Дмитрий собрался и поехал в полк Минина. Его он нашёл у Чертольских ворот.

– Кузьма, плохо дело! Поднимай всех своих людей и перекидывайся на ту сторону реки! – начал он с самого главного. – Здесь, на рву, у ворот и стен, оставь только самую малость! На всякий случай! Вдруг Гонсевсий ударит из-за стен?

– Ударит! Обязательно!

– Ты всё понял, Кузьма! Давай – время торопит!

Кузьма переправился со своим полком за реку.

И вовремя: подошёл гетман. Конники гетмана, латники затоптались на месте у глубоких рвов... Затем они спешили и пошли вместе с гайдуками. И даже в пешем строю их удар оказался мощным. Они смяли стрельцов, что стояли за рогатками. Те побежали и за рвом наткнулись на сотни Минина.

Кузьма стал останавливать их, кричал, метался по полю, среди рвов и шанцев. Ему стали помогать боярские дети. Но остановить ударившихся в панику стрельцов им не удалось. Гайдуки, гусары и пахолики захватили первый рубеж – ров. И здесь они задержались. Там замелькали заступы: пахолики и жолнеры стали засыпать ров...

В этот момент к нему подошёл с подкреплением Пожарский. Он переправился через реку, оставив своего коня на другом берегу и пешим пришёл сюда, на позиции. За ним тенью следовал Фёдор с боевыми холопами.

– Вон видишь того! – показал Кузьма Пожарскому на ров, захваченный у них поляками.

– Кого? – не понял князь Дмитрий его.

– Да вон того! Что сидит на валу! Приглядиись!.. Это же Ходкевич!..

– Да-а! – удивился князь Дмитрий, тоже узнав крупную фигуру литовского гетмана.

Он как-то и не подумал даже, что тот может вот так открыто появиться на передней позиции. Сидит там, на валу, и что-то жуёт... «Смел, однако!» – мелькнуло у него, хотя он сам тоже находился здесь же, в первых рядах дерущихся.

Вот пахолики и жолнеры засыпали ров, и там, где был гетман, началась какая-то подвижка среди его войска... Похоже, конные, гусары, готовились к атаке.

И тут слева, на дальней стороне позиций войска Пожарского, послышался шум. Он нарастал... А вот и причина его. Там появились конники, казаки, сотни, много сотен.

И князь Дмитрий понял, что это от Трубецкого. И они ударили по позициям гетмана. Но Ходкевич устоял, затем гайдуки пошли в атаку. Несколько раз пытался гетман прорваться к реке, за которой маячили высокие белокаменные стены Кремля.

В этот день Ходкевич так и не смог прорваться к реке со стороны Замоскворечья. С потерями, и большими, он отказался от своего намерения.

Они же, ополченцы, выдержали натиск гетмана, затем другой и третий. Казаки Трубецкого захватили у гетмана четыре сотни возов, с кормами. Эта новость разнеслась по таборам и лагерям под всеобщее ликование.

Князь Дмитрий ожидал, что Ходкевич попытается как-то отыграться. Прорываться в Кремль, к голодному гарнизону ему было бессмысленно. Значит, он рискнет отбить обозы. Но это было уже невозможно. Обоз частью растащили, частью он оказался за валами и рвами, в казацких таборах.

Так прошло три дня в ожидании действий гетмана. На четвёртый день дозорные донесли, что гетман свернул лагерь и пошёл от Москвы прочь, на запад. В тот же день лазутчики донесли из-за стен, что там от гетмана получили послание. Ходкевич писал пану Струсию, что уходит. Но он обещал вернуться. Соберёт снова продовольствие и вернётся.

На совете у Пожарского было принято решение: до нового прихода гетмана укрепить все слабые места, вырыть ещё два рва на пути к стенам Кремля.

* * *

– Опять казаки задираются, – стал ворчать Кузьма, на очередном совете у Пожарского.

– Что такое? – спросил князь Дмитрий его.

Кузьма засопел. Он доверял во всём Пожарскому. Но здесь дело было особого свойства. Пожарский всё-таки, как к нему ни относишься, был князем, дворянской косточкой. Как и Григорий Шаховской. Тот же со своим полком был в лагере у Трубецкого. И вот теперь дошли слухи, что у Шаховского объявился Иван Шереметев со своим братом Василием. Донесли ещё, что они всю ночь пили с Шаховским. Значит, затевают какие-то пакости. Даже среди казаков пошли об этом толки. И казаки заволновались, поскольку в это же время кто-то стал подбивать их на то, чтобы они выступили против них, земцев.

Кузьма, посопев, не решился открывать эту новость Пожарскому. Князь же Дмитрий, заметив, что он не намерен ничего говорить, перешёл к другому делу.

– Завтра, как сообщили лазутчики из-за стен, Струсь собирается выгнать из Кремля лишних едоков. Поэтому надо встретить их, разместить, обеспечить кормами! Это твои заботы, Кузьма! Вот и справляй их!

Он рассердился на Кузьму, почувствовав, что тот скрывает от него что-то. Что было, вообще-то, редко.

Утром смоленские сотни вывели на берег Неглинки, расположили вокруг Кутафьей башни.

Здесь, из Кутафьей башни, должны были выходить русские, сидевшие в осаде вместе с поляками. Гусары выгоняли их из Кремля, припасы же их, корма, забирали себе.

Ждать пришлось недолго. Там, в Троицкой башне Кремля, открылись ворота. И на мост, что вёл к Кутафьей башне, стали выходить люди. Их было много. Это были женщины, дети, старики, подростки... Бледные, измождённые, они двинулись по мосту к Кутафьей башне.

И Тухачевский увидел, как Пожарский, тронув коня, подъехал к башне. Вместе с ним к башне подъехал Кузьма, за ними – охрана. У Кутафьей башни они спешили, стали ожидать людей, что шли по мосту. Там же, рядом с Пожарским, были ещё воеводы, стрельцы, боярские дети.

Яков перевёл взгляд с Кутафьей башни на Троицкую. И там он заметил, в узких её бойницах и за зубцами на стене, любопытные физиономии гусар и жолнеров.

Опасаясь какой-нибудь провокации со стороны этих физиономий, Яков невольно двинул своего коня в сторону Кутафьей башни, чтобы помочь при необходимости Пожарскому.

За ним двинулись и его смоленские...

Князь же Дмитрий, встречая идущих по мосту, подхватил на руки какого-то еле бредущего измождённого мальчонку, пронёс его несколько шагов в сторону от Кремля... Но уже десятки рук тянулись к нему, чтобы помочь. Он передал кому-то мальчонку, вернулся назад к башне.

Яков и Михалка не заметили сами, как оказались тоже у Кутафьей башни, стали кому-то помогать идти, подхватив нехитрые пожитки сидельцев относили их к телегам, которые уже появились откуда-то.

Люди работали торопливо, суетились, словно были в чём-то виноваты перед вот этими, измождёнными.

* * *

Не было Заруцкого. Неприязнь их, князей, к донскому атаману объединяла их. А теперь не стало его и того, что их объединяло. И они стали распадаться. Каждый потянул в свою сторону, захотел стать выше другого.

– А где сейчас Заруцкий? – спросил Шаховской как-то Трубецкого, приехав к нему в лагерь с Плещеевым.

– В Михайлове, говорят... Я посылаю туда атаманов. Уговаривал вернуться. Совет-де «всей земли» простит прежние вины! Ему, боярину нашему!.. Хм-хм!

С сарказмом сказал Трубецкой слово «боярин». Всё же, как ни называй его, Заруцкого, а тесно, очень тесно связала их жизнь. И сейчас ему, князю Дмитрию, стало скучно без Заруцкого здесь, под Москвой.

– Надо пустить слухок, что казаки, мол, собираются побить Пожарского, – начал Плещеев.

– Вот так же, как Ляпунова! – подхватил его мысль Шаховской.

Он единственный из них, из князей под Москвой, искренне сожалел, что Заруцкий ушёл отсюда.

У Трубецкого же всё ещё не проходила обида на Пожарского: за отказ встать вместе с ним. Правда, он сейчас понял, что Пожарский поступил правильно, встав там, где поставил свои полки... Но всё равно обида была. Ещё и за то, что многие атаманы его, Трубецкого, и даже из самых верных, не послушались его, пошли на помощь Пожарскому.

Да, его атаманы смотрели на богатеньких земцев, боярских детей, с неприязнью и в то же время с завистью. Они сами хотели быть такими же богатенькими. Вон, многие из атаманов уже и поместья заимели. От того же Заруцкого. Он, Трубецкой, тоже стал раздавать грамоты на поместье своим большим атаманам. Без этого они бы отшатнулись от него. К тому же Заруцкому. И вот теперь ещё очередной соблазн атаманам – земцы Пожарского... Устоят ли они? Пойдут ли за Пожарским... Может быть, и пойдут. Но не из-за того, что их тот прельстил делом «всей земли». Им до той «всей земли» не было никакого дела. Им нужно было то, что сейчас происходило в Московии. И чем дальше это тянется, тем лучше для них...

– Прокопий-то сам и виноват, – согласился Трубецкой. – Сам хотел быть выше всех!..

– Пусть «литва» сидит по-прежнему в Кремле! Так, что ли? – съязвил Плещеев.

– Нет! – сказал Трубецкой. – Зачем тогда мы терпели нужду? Стоим тут уже второй год! Пора и порядку в государстве быть!

Но это прозвучало у него с сомнением в голосе.

– А ты что, считаешь, как порядок установится, так ты будешь в думе, что ли! Ха-ха-ха! – засмеялся Шаховской. – Мстиславский не даст тебе того! Он что сейчас там! – махнул он рукой в сторону Кремля. – С поляками в думе, что потом – без поляков, тоже будет в думе!

* * *

В сентябре вести об этих событиях, происшедших под Москвой, дошли и до Михайлова, до Заруцкого: от его лазутчиков, доброхотов, оставшихся там, чтобы так служить ему.

Казак, принесший ему вести, после того как его накормили и угостили водкой, стал рассказывать новости, что произошли там.

– И августа в двадцатый день пришёл под Москву князь Пожарский. С войском, из Ярославля... Люди-то у него все сытые. Не то что мы-то! – с обидой в голосе говорил он...

Заметив, как нахмурился Заруцкий, он заторопился, выкладывая новости: «А через два дня Ходкевич подошёл. Сперва-то он наткнулся на земцев, на князя Пожарского, с Кузьмой каким-то! А земцы-то, боярские дети, воюют плохо: чуть-чуть и пропустили бы его в Кремль. Да и то верно: сытому-то умирать не хочется»...

– Голодному тоже, – проворчал Бурба.

– Не скажи! – возразил казак ему. – Голодному-то терять нечего. Так вот, мы только и помогли им: казаки Трубецкого! – стал рассказывать он дальше. – Ходкевича-то побили здорово! Он и пошёл от Москвы.

Бурба уже вынес свой приговор ополченцам Пожарского, вспомнив того боярского сына, беспомощного, который оказался не в силах защитить дочь Годунова от казаков-баловней, насильников, таких, которые сейчас окружали его. И с которыми, по воле свыше, сейчас он находился в одной упряжке. Он, в прошлом крестьянин, живший своим трудом, не любил ни тех, ни других.

Заруцкий, выслушав казака, в этот же день принял решение немедленно идти на Рязань. Надо было спешить, пока здесь ещё не все были в курсе новостей под Москвой.

«Почувствуют силу новой власти, земцев, тогда уже не подчинить!» – знал он по опыту.

К Рязани его полки вышли через две недели, как раз на бабье лето, на день Михаила¹⁷. Лист пожелтел, но по ночам ещё было тепло. Они подошли к городу, остановились вдали. И сразу же, словно приветствуя их, полыхнули пушки с Ввозной башни. А вот заухало, казалось, всё вокруг. Над стеной клубами поднялся дым, и там, в просветах, замелькали шишаки и панцири.

Казаки спешили и пошли на ворота, прикрываясь за огромными деревянными щитам. Катили их, катили... Вот вдребезги разбит один из них ядром. И по казакам со стен ударили пищали и мушкеты. И стрелы, стрелы оттуда же свистят... И не выдержали казаки, охотники до быстрой драки. Вон там один дал тыл, за ним ещё с десятков трясут уже портами...

– Ах, собаки! Куда-а?! – заорал Заруцкий на казаков Ворзиги, которые побежали первыми.

Ещё можно было остановить их, повернуть. И всё начать сначала, пойти на приступ.

Но тут он увидел, что поднимается решетка¹⁸ в воротах, а за ней маячат маленькие фигурки, их было много, на конях...

«Боярские дети! – мелькнуло у него. – Сейчас пойдут в атаку!»

И они смешают его пеших казаков.

---

¹⁷ 6 (19) сентября – чудо Архистратига Михаила.

¹⁸ Решетка – защитное устройство в воротах крепости, сделанное из толстых брусьев в виде громадной решетки, поднимаемой и опускаемой на цепях.

Да, так и есть – пошли конные, с саблями. За ними высыпали из ворот стрельцы и, зарядив ружья, ударили вслед казакам: по спинам, шапкам, по ногам... Казаки падают, бегут... Побежали и сотни боярских детей, что ушли с ним от Трубецкого.

Заруцкий был вне себя от ярости. Теперь уже ничего не оставалось, как только уйти от стен Рязани. Когда он вернулся в Михайлов, то его встретили ещё одной неприятной новостью: сбежали все дьяки. И первым заводилой из них оказался Евдокимов Петька, тихоня.

Глава 5

Последнее сражение

За день до Иверской иконы Божьей Матери ¹⁹на Якова Тухачевского свалилось дело. И дело важное. Его со смоленскими служилыми Пожарский приставил сопровождать Гришку Уварова на встречу с поляками, что сидели в Кремле. Это была уже вторая встреча. На них, на ополчение Пожарского, с предложением начать переговоры, вышел ротмистр из полка Будилы. Яков знал его ещё по прошлому, когда попал с Валуевым в войско Жолкевского. Там он случайно и познакомился с тем ротмистром, знал только его имя, Андрей. Парень тот оказался толковым, к тому же умным. Яков, уже по привычке, выпил с ним пару стопок водки. С этого и началось их знакомство. Дружбой не назовешь, враждовать вроде бы тоже не с чего было. Вот разве что по старой памяти не давала покоя Матрёна. Она что-то стала часто появляться во сне, уговаривала не верить полякам... Он слушал её, но у него всё выходило наоборот...

Яков с Михалкой Бестужевым и ещё с десятком смоленских подъехали по Тверской улице к мосту через Неглинку и спешили. Там, за Неглинкой, у китайгородской стены, никого не было.

День был безоблачным. Было ещё тепло, совсем как в мае. И от этого невольно накатывало блаженное состояние.

– Ты что улыбаешься-то? – толкнул его в бок Михалка. – Как дурачок перед манной кашей! Ха-ха!

Яков, шутя, дал ему подзатыльник. Так он иногда останавливал его брата, Ваську, когда тот, бывало, расходился, начинал зло подшучивать над ним.

Михалка дал ему сдачу. Началась потасовка. Они потолкались, потолкались и успокоились. Надо было соблюдать сдержанность, поскольку они были приставлены к немалому делу.

В это время с польской стороны, из-за китайгородской стены, в ворота вышли четыре человека.

Двух гусар, из этих, Яков уже знал. Они приходили на переговоры вчера. Третий был новеньким. А вот четвёртого он не спутал бы ни с кем. Это был Будило, Оська, полковник.

И те, с польской стороны, подошли к Уварову и Ивану Бутурлину. Последнего Пожарский отрядил заложником, в обмен на Оську. Так они, Пожарский и Струсь, собирались обменяться заложниками на время переговоров.

Гусары и Будило, отойдя в сторону с Уваровым и Бутурлиным, стали о чём-то говорить.

Оттуда, где стояли Яков и Михалка, ничего не было слышно. Но по выразительным жестам Уварова, а тот всегда жестикулировал, когда волновался, Яков догадался, что там идёт какой-то торг.

Переговоры затянулись. Видимо, поляки не хотели с чем-то соглашаться. Уваров же настаивал на том, на чём ему велел стоять Пожарский: поляки должны были немедленно освободить всех, кого они держали в Кремле заложниками. Затем сдать сами. За это Пожарский гарантировал им жизнь. На большее он не соглашался.

Яков с Михалкой, видя, что до них никому нет дела, от скуки стали травить небывалые, отвлеклись от происходящего. И сразу вздрогнули, когда послышались частые ружейные выстрелы с другой стороны китайгородской стены. Откуда-то со стороны Язы.

– Что, что там?! – заволновались они, переглядываясь с Уваровым.

---

¹⁹ 13 (26) октября – праздник Иверской иконы Божией Матери.

Гусары тоже забеспокоились. Затем они что-то крикнули Уварову прямо в лицо и заспешили к крепостным воротам вместе с Будило. Там открылась узкая вылазная дверь, и они скрылись за ней.

С Уваровым остался только Бутурлин. Смоленские окружили их, пристали с вопросами к Уварову. Но тот лишь махнул рукой. Его вид красноречиво говорил о безнадежности дальнейших переговоров.

А пальба у стен Китай-города, что выходили к Москве-реке, нарастала.

И смоленские, опасаясь, как бы в начавшейся драке не досталось и им, поспешили в свой лагерь. Они догадались, что это снова пошли на приступ Китай-города казаки Трубецкого. А значит, там будет жарко.

Вскоре они, ополченцы Пожарского, присоединились к казакам Трубецкого.

* * *

Яков и Михалка Бестужев с сотней смоленских служилых и с огромной толпой донцов ворвались в Никольские ворота Китай-города... Крики! Все орут!.. И бегут, бегут... Туда, где мелькают польские кафтаны и тускло отражаются клинки... Да, там, впереди, были они – пахолики и жолнеры... Они убегали, бежали из последних сил, истощённые голодом.

Голод. Он ощущался здесь повсюду. Даже серые заборы дворов, уцелевших от пожаров, выглядели так, будто их глодали.

Яков и Михалка пробежали мимо уцелевшей каменной церковки, такой же по виду, словно и она оголодала. Деревянные же постройки около неё все погорели. Кругом было черным-черно, одни лишь головёшки, раскиданные пожаром.

Бежавший впереди Якова казак в драном сермяжном кафтане внезапно остановился, хватая открытым ртом воздух... Запалился... Руки у него трясутся, но и возятся, ловко возятся с самопалом. Вот вскинул он его... Раздался выстрел. Почти у самого уха Якова. Оглушил его. Яков встряхнул головой, тоже стал хватать ртом воздух, как и казак, ничего не слыша.

Кругом, казалось ему, все разевали беззвучно рты, как рыбы, и бежали, бесшумно бежали непонятно куда...

И в то же самое мгновение, когда казак выстрелил, один из жолнеров, бежавший впереди, странно мотнул головой. Она откинулась назад так, словно его по спине ударили прикладом самопала. Затем ноги у него стали скручиваться в большой витой крендель, сырой и вязкий. Но вот этот крендель стал превращаться в безобразную гусеницу, когда та при опасности начинает сворачиваться своим отвратительным студенистым телом...

И всё это происходило для Якова медленно, ужасно медленно, как во сне...

Но в это время кто-то набежал на него сзади и сшиб. И он, падая, увидел, что и жолнер впереди тоже наконец-то упал.

Яков ударился всем телом о брёвна мостовой, охнул. По инерции он перевернулся и больно стукнулся головой о тупой торец бревна, случайно оказавшегося на его пути. Удар был сильным. У него из глаз брызнули искры, и этим вышибло пробки из ушей... Оружий и бесившийся вокруг мир ошеломил его. Но только на мгновение. Уже через мгновение он снова стал для него родным. И он опять окунулся в него.

Кругом все что-то кричали. Закричал и он.

Он вскочил на ноги и, переступив через труп того самого жолнера, бросился вслед за своей сотней. Та уходила вперёд, опрокидывая редких пахоликов и жолнеров, откуда-то выскакивавших им наперерез. Те как будто пытались остановить людской поток, топтавший всё на своём пути...

Туда, к Кремлю, к Красной площади...

И даже издали, пробегая мимо знакомого ему Богоявленского переулочка, где жила вдова, та самая, с которой у него ничего не получилось, Яков видел, что впереди, далеко впереди, как казалось ему, обалдевшему от треска и воплей сражения, Красная площадь пуста... Никольские же ворота Кремля, окованные железными полосами, были наглухо закрыты.

Яков догнал Бестужева. Тот, вымотавшийся больше от криков, чем от драки, еле волочил ноги. Дальше они побежали вместе... Справа мелькнула крохотная церквушка. И тут перед ними раскрылась Красная площадь: огромная, пустая, безлюдная, холодная, грязная и, казалась, чужая... И от этого после гонки за жолнерами по тесным улочкам, по скользким деревянным мостовым простор площади остановил их. Яков и Михалка замерли. Вместе с ними остановились и бежавшие с ними смоленские. Они, сделав только что громадную работу, сейчас не знали, что делать дальше, за что же взяться, и встали.

Постояв так с минуту, они направились уже шагом к Лобному месту. Подошли. Остановились... Стало почему-то тихо. Удивительно, но не каркали даже вороны. Их вообще не видно было и не слышно. Тогда как в былые времена, как помнил Яков, они целыми стаями носились над площадью, подбедая всё, выброшенное сытыми людьми. Это было необычно. Хотя они уже слышали, что всех ворон поели. Жолнеры, пахолики, и даже рыцари, гусары те же не гнушались жрать ворон в стенах Кремля...

Суматоха улеглась, площадь успокоилась. Здесь, на площади, оказались вместе казаки и дети боярские, дворяне, стрельцы и простые мужики, ярыжки, люди чёрные, все горожане. Появились и какие-то неприметные лицом, стали шнырять по уже опустошённым лавкам в Торговых рядах.

И тут раздались ружейные выстрелы со стен Кремля. Редкие, как будто пугали.

Казаки, грозя в ответ, вскинули вверх кулаки. Вот какой-то из них, рыженький, ударил из мушкета в сторону Кремля, угодил в стену, высек пыль из кирпича.

Кругом все засмеялись.

Позубоскалив так, без дела, какое-то время на площади, служилые и казаки стали расходиться. Но тут появились атаманы. Появились и воеводы от Пожарского. Поднялся крик.

– Давай, казаки, давай! Рубите острожék!

– И вы, смоленские, тоже!..

Яков и Михалка подчинились, нехотя принялись со своей сотней за работу: стали таскать брёвна, рубить острожки, охватывая ими осадой с этой стороны Спасские и Никольские ворота Кремля. До вечера они поставили несколько срубов. За ними укрылся гарнизон. Только тогда остальным было разрешено вернуться в свои лагеря.

В палатке, где собрались смоленские, после этого утомительного дня всем было не до разговоров.

У Якова гудели ноги, и руки падали как плети.

Откуда-то, по случаю, появилась водка. И все, выпив, ожили. Блеснули мысли и желания в глазах.

– Всё, не сегодня, так завтра поляки сдадут Кремль! – решительно заявил Яков.

Смоленские загалдели возбуждённо, как пьяные. Все понимали, что это конец войне.

– А если не сдадут?! – вскричал Бестужев.

– Тогда их перебьют всех! – веско заключил Уваров, обычно знавший больше всех о том, что замышляли воеводы.

Да, всем стало ясно: что вот-вот Кремль будет взят. Если поляки не сдадут его, то будет штурм. И всех гусар, жолнеров и пахоликов перебьют. И на этом закончатся мытарства их, смоленских служилых. А что же дальше-то? Но об этом сейчас никто из них не задумывался. Им, смоленским, податься сейчас было некуда. Вот разве что домой, освободить родной город. Но о том пока ни словом не обмолвился даже Пожарский. Тот же говорил, когда встречался

со служилыми, что в первую очередь надо очистить Москву. Затем избрать государя. А уже потом думать о чём-нибудь ином: о собирании разбежавшихся русских земель...

Так был взят Китай-город. Весть об этом разнеслась по всем подмосковным полкам.

* * *

Больше ни Якова, ни Михалку не посылали сопровождать переговорщиков с польскими доверенными. Но слухи о том, что там всё идёт к сдаче Кремля, расходились по лагерям каждый день. Там, на переговорах, как слышали и Яков с Михалкой, торговались об условиях сдачи. Поляки цеплялись за каждую мелочь, старались отстоять какие-то свои права, денежные долги какого-то правительства, не то Мстиславского, не то ещё задолжавшего им Шуйского. Добивались они, чтобы им оставили их добро, знамена, оружие, и даже какие-то обозы... Речь зашла и о поместьях, розданных им указами государя и великого князя Владислава...

Так что очень скоро не выдержал даже всегда уравновешенный Пожарский, когда вернувшиеся с переговоров представили ему эти условия.

– Да что они там, за стенами, с ума сошли, что ли, от голода! – воскликнул он, когда дьяк Васька Юдин зачитал ему условия, на которых пан Струсь согласен был сдать Кремль.

Он от возмущения чуть не задохнулся. Успокоился. Ему нельзя было поддаваться эмоциям и просто чьим-то дурацким выходкам. Он был глава ополчения. На него смотрели десятки тысяч людей: служилые, дворяне да и те же казаки. Среди них, казаков, было много сочувствующих ему, их ополчению, сторонникам дела «всей земли». И не следовало отталкивать их: ни словом, ни делом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.